

Виктор Астафьев

Виктор Астафьев
Нет мне ответа...

«ЭКСМО»

Астафьев В. П.

Нет мне ответа... / В. П. Астафьев — «Эксмо»,

Книга представляет собой эпистолярный дневник большого русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Дневник, составленный из нескольких сотен его писем, почти ежедневно из года в год отправляемых им в разные уголки страны родным и друзьям, собратьям по перу, начинающим авторам, в издательства и редакции литературных журналов. В них с предельной искренностью и откровенной прямоотой отразилась жизнь выдающегося мастера слова на протяжении пятидесяти лет: его радости и огорчения, победы и утраты, глубина духовного мира и секреты творческой лаборатории прозаика. В них страдающая мысль и горестные раздумья сына своего Отечества о судьбе его многострадальной Родины и ее народа, великой частицей которого он был. Большинство писем Виктора Астафьева публикуется впервые.

© Астафьев В. П.

© Эксмо

Содержание

Вечно наш	5
Эпистолярный дневник	9
1952	9
1953	11
1954	14
1955	18
1956	19
1957	24
1958	25
1959	27
1960	31
1961	37
1962	42
1963	45
1964	53
1965	58
1966	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Виктор Астафьев

Нет мне ответа...

Вечно наш

Когда бываю в Красноярске, я всегда еду в Овсянку к Виктору Петровичу – пройтись по его селу, заглянуть в его домик, зайти в его библиотеку, в его церквушку... И обязательно поднимаюсь к нему на Манскую гору, где у подножья раскидистых берёз, растущих из одного корня, на бывшей крестьянской пашне, окружённый красотой енисейских гор нашёл он упокоение рядом с дочерью и с земляками посреди России.

Виктор Петрович явился на свет 1 мая 1924 года, в день памяти воина-мученика Виктора, а пройдя через сиротство, бездомность, кровь, раны и грязь войны, через цепь нескончаемых наших «гражданских» войн, перенеся всю боль и каторжные муки писательского труда, оставил нас поутру 29 ноября 2001 года, в день памяти евангелиста Матфея. И каждый раз, глядя на полированную черноту каменного надгробия, где золотом озорной извилистой линии такого родного почерка высечен его автограф, а внизу, на отдельной плите, указаны годы его жизни, возвращаясь к мысли, уколотившей меня в тот далёкий студёный день прощания с ним, когда я впервые увидел эти стоящие рядом даты: 1924—2001. Мысли о том, что жизнь человека – это и есть маленькая чёрточка между двумя датами и что нет в ней ничего случайного – всё исполнено глубокого смысла: и каждая дата, и длина этой чёрточки. Вот и эта книга, которая составлялась все восемь лет после его ухода, тоже есть эта чёрточка, вместившая в себя его жизнь, его боли и радости, сомнения, разочарования и открытия.

Он никогда не вёл дневниковых записей. У него была изумительная память, поражавшая своей глубиной и необъятностью. В ней умещались не только полчища имён и дат, но и названия сотен земных существ и растений, их краски и запахи, несчётное количество поэтических строк и мелодий музыкальных шедевров, глубинное знание быта людей, природных явлений – все детали и оттенки жизни. «У меня до войны была редкостная память, – писал он в одном из писем Валентину Курбатову, – которая меня избаловала до того, что я ничего другого делать не хотел – ни учиться, ни трудиться – мне всё давалось «просто так». Маленький, совсем малограмотный, я уже сочинял стихи и разного рода истории, за что в ФЗО и на войне меня любили и даже с плацдарма вытащили, но там, на плацдарме, осталась половина меня – моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил, весёлый, глазастый и неунывающий. Работа в литературе, огромное перенапряжение самого себя (ведь одновременно и грамоту, и всё-всё надо было постигать самостоятельно) так меня износили, что потекли остатки памяти, но и с половиной того, что было, что не отшибло на войне, жил я вольно и припеваючи – никогда много не записывал, сочинённое в лесу год-полтора назад восстанавливал до звука, когда доходило в писанине именно до этого, где-то сочинённого места».

Помню, Виктор Петрович доставал иногда крохотный блокнотик, в котором лишь одному ему понятным «шифром», буквально несколькими буквами отмечал только что увиденное, услышанное или что-то вспомнившееся. Этих словесных крючочков вполне хватало ему, чтобы при необходимости выудить из памяти нужную деталь или точное слово.

Когда в 2002 году вышла книга переписки В. Астафьева и В. Курбатова «Крест бесконечный», меня, составившего её, и Валентина Яковлевича, давшего согласие на публикацию своих писем, не все тогда поняли. Говорилось, что не надо было столь поспешно публиковать эти письма, что прошло ещё крохотно мало времени, удаляющего нас от дня кончины Виктора Петровича, что должно отойти поколение, когда в дело вступит история, и тогда – всё можно

и ничего не страшно... Но я понимал, что переписка этих двух замечательных людей, за нас несущих крест бесконечных поисков причин бед и горестей, происходящих с нами, поисков ответов на вопросы, мучающие нас, будет важна не только литературоведам. Она будет важна, может быть, в первую очередь простым людям, пока ещё что-то читающим, над чем-то ещё размышляющим в этой слетевшей со всех колёс и опор жизни. И широкий читательский интерес к книге, не ослабевающий и по сей день (о ней по-прежнему говорят, спорят, цитируют её авторов), подтвердил это и всё расставил на свои места, а многие наши бывшие оппоненты согласились, что с поколением уйдём и мы, знавшие и любившие Виктора Петровича, и пытливый литературный исследователь никогда не заменит нас, сегодня сохраняющих живую память о нём, искренне желающих поделиться первоисточным знанием, честно выполнить свой долг перед навсегда ушедшим другом.

Сразу после выхода в свет «Креста бесконечного», а вслед за ней книги «Твердь и посох» (переписки Виктора Петровича с его другом и критиком Александром Николаевичем Макаровым) ко мне из многих уголков России начали стекаться астафьевские письма от людей, с которыми у Виктора Петровича в разные годы была большая или малая переписка. Иногда это могло быть всего лишь одно письмо, как, к примеру, Валентину Непомнящему, которое Виктор Петрович написал, не будучи с ним лично знаком, а просто по-человечески неравнодушно откликнулся на его публикацию о Пушкине в «Литературной газете». И таких «разовых» посланий было немало. Люди присылали копии писем Астафьева, как, может, самую дорогую в их жизни реликвию, нередко сопровождая их полезным и душевным пояснением. Я понимал, что это был и отклик на выход «Креста бесконечного», и что люди делают это не из желания отметиться в тени знаменитого имени, а искренне хотят мне помочь в многотрудной работе по собиранию эпистолярного наследия классика.

И когда объём этих писем достиг некой «критической» массы, разместив их по полочкам-годам в хронологическую шеренгу, я увидел – это и есть дневник Виктора Петровича, который он по листочку изо дня в день, из года в год посылал разным людям во все концы страны, да и за её пределы тоже. Сам был не раз свидетелем тому, как он, отложив свои литературные дела, разгребая завалы накопившейся почты, отвечал в день сразу на несколько писем. А иногда и само писание письма приносило ему удовлетворение – отвлекало от тяжкого труда, «переключало» что-то внутри, настраивая на дорогие воспоминания, на желание поделиться с близким человеком радостью, а то и огорчением.

Казалось, жизнь делала всё, чтобы не было у нас такого писателя, – изувечила его детство, кинула в мясорубку войны, добивала вернувшегося с фронта солдата послевоенной нищетой и голодухой, мучила сознание идеологическими догмами, кромсала безжалостным цензурным скальпелем лучшие строки. Он выстоял! Не сделался ни озлобленным обывателем, ни диссидентом с кукишем в кармане, ни литературным барином вроде тех, чьи имена как-то мгновенно исчезли и забылись в наши дни. Он всегда оставался самим собой, не считаясь с пустыми и бездарными мнениями, с «веяниями» времени, с навязываемыми нормами. Астафьев сам по себе был и норма, и правило и, как доказало время, стал истинно национальным писателем в самом высоком смысле этого трудного понятия.

Все мы, кто знал его, был в переписке с ним, дружил с ним, как-то привыкли к тому, что есть вот такой у нас Виктор Петрович – мудрый, весёлый, рассудительный, горячий. Мы могли написать ему письмо и быть уверенными, что обязательно получим ответ. Могли запросто позвонить или зайти в гости, порой забывая, что отвлекаем его от работы, ломаем творческий настрой. Ибо мы всегда знали, что есть человек, на которого хотелось равняться, доверять ему свои сомнения, перед которым может быть стыдно и который всегда ответит на твои «глобальные» вопросы. Хотя знаю, что жадной своей услышать от него однозначный ответ на мучившие всех вопросы многие люди смущали его: «Кабы знал я ответ на вопрос, как жить, я бы написал его на листовках и разбросал с вертолёта...»

И всё же пока он был на земле, меня не покидало ощущение духовного порядка. Съездить к нему в Красноярск, поговорить в тиши писательского кабинета, посидеть под его любимым кедром в маленьком овсянском дворике – как причаститься, прочитать его новую повесть или рассказ – как глаза промыть и заново почувствовать жизнь с её реальными ценностями и заботами. И потому именно к нему, в Овсянку, словно к жившему в свете Евангелия оптинскому старцу, устремлялись все – от провинциальной учительницы, тащившей из иркутской дали своих учеников, до академиков, народных артистов и президентов. Просто он был Астафьевым – чьим именем, без всяких регалий и званий, называлась эпоха, в которой все мы жили.

Его письма не просто искренни, они во многом исповедальны. Перед нами как на глазах вырастает великий писатель и мощный прямой и свободный человек. Однако тут же понимаешь, что это в письмах всё так внешне быстро и просто, что они для тебя лишь мелькающие кадры, за которыми большая, тяжкая, полная драматизма жизнь и судьба Богом одарённого и бесконечно трудолюбивого человека. И потому мы ещё долго будем постигать уроки этой жизни, преподанные нам мудрым учителем. И не только уроки литературы. Астафьев учил нас прежде всего свободе и сам был свободным – и в жизни, и в творчестве. Помню, на одной из встреч его спросили: «Как стать свободным человеком?» Виктор Петрович с улыбкой ответил: «Начните с того, что перестаньте врать самому себе и прогибаться перед начальником».

Усталый, больной, иструдивший душу до дна, он каждое утро садился за рабочий стол, чтобы не только успеть дописать задуманное (сколько ещё осталось нерождённых сюжетов и героев, с которыми нам уже никогда не встретиться!), но и для того, чтобы честно заработать свой хлеб, кормить семью, поднимать сирот-внуков, помогать сыну и его семье. «Какая тяжкая, сжигающая нас, как на огне, наша работа! Да мало кто знает об этом – видят лишь, когда шляемся, пьём и Ваньку валяем!» – пишет он в отчаянии Александру Макарову. А в другом письме: «...даже кувалда, которой я в своё время орудовал в литейном цехе, не брала столько здоровья и не выматывала так, как «лёгонькое» писательское перо. Но и, конечно же, ни одна работа и не приносила мне столько счастья и восторга, как это литературное дело. Когда вдруг из ничего, из обыкновенного пузырька с чернилами извлечёшь что-то похожее на жизнь, воссоздашь из слов дорогую себе, а иногда и другим людям картинку или характер и замрёшь, как художник перед полотном, поражённый этим волшебством – ведь из ничего получилось! Господи! Да неужели это я сделал?»

В постперестроечное время о нём писали и говорили много и по-разному – от набокологических фраз («Наша совесть... Наш свет... Наше всё...») до словесных нечистот злобы («Клеветник... Очернитель... Приспособленец...»). В последнем особенно преуспевали те, кого он просто выкормил с щедрой писательской руки – давал рекомендации в Союз писателей, писал предисловия к книгам, проталкивал их «шедевры» в журналах и издательствах, потому что всегда верил в добро. «Я, конечно, знал цену их творениям, – говорил он мне позже, – но когда-то и мне, полуграмотному и литературно несовершенному, помогали добрые люди. Что поделать, если в этих оказалось больше зла, чем таланта».

И никогда не жаловался на журнально-газетную истерию, разве самым близким людям, чаще всего и не отвечал на эти крысиные укусы. Так было и с историей, раздутой вокруг рассказа «Ловля пескарей в Грузии», и с резонансом на его единственный и откровенный ответ на письмо Н. Эйдельмана – до сих пор желающие возводят его до «высот» их якобы переписки (такое впечатление, что она и сегодня меж ними продолжается). Конечно, бесследно всё это не прошло и, несомненно, сократило его земные дни.

«Это не может не влиять на писателя, – говорил он мне в одной из наших последних с ним бесед. – На исходе жизни задаёшь себе вопрос: зачем? Зачем я жил, зачем работал, зачем круглыми сутками горбился за столом? Люди от этого лучше стали? Мир улучшился? Зачем эти миллионы книг, картин, написанных нищими художниками, которые шли под пули, на

расстрел, на костёр, – зачем они создавались? Когда эти вопросы подступают к тебе – становится страшно жить».

Последний год его жизни был омрачён безобразной выходкой, которую учинили депутаты-коммунисты краевого Законодательного собрания. Они проголосовали против того, чтобы тяжело больной, умирающий писатель-фронтовик получал к пенсии от своих земляков прибавку в три с половиной тысячи рублей. Случилось всё, как в недалёкие памятные времена – с писателем попытались свести счёты «от имени народа».

Коммунистам, конечно, всегда было за что не любить Астафьева. Речь не о тех рядовых коммунистах, которые, как и он сам, кормили вшей в окопах войны, а потом поднимали страну из разрухи – этим людям обижаться на писателя не за что. Они для него – народ, тот самый народ, который в своём творчестве он защищал каждой строкой. Просто правда всегда придётся по нраву не всем. «Я порой думаю, – писал он, – неужели тяжкие времена и страшные беды нас, русский народ, ничему не научили? Неужели желающие нового помрачения российского разума, новой свалки и братоубийства снова зачернят здравый смысл, с таким трудом, через такое горе, такие громадные потери к нам возвращающийся? Новой смуты, ещё одной свалки нам не пережить, не хватит на это наших ослабевших, редееющих рядов, повреждённого, если не надорвавшегося, российского здоровья. Не поддавайтесь сатанинским силам, русские люди! Постарайтесь жить по справедливости, быть милосердными друг к другу и нетерпимыми ко злу, разрушающему души...»

Конечно, не все письма Виктора Петровича удалось собрать. Это просто невозможно. Я знаю, тысячи их частичками его души развеяно на просторах Родины. Но даже те, что вошли в этот объёмный том, вобрали в себя полвека жизни не только самого Виктора Петровича, но и сотен тех, с кем он общался, дружил, о ком переживал, кому спешил подставить плечо.

«Душа хотела б быть звездой» – поставил он строчку из Тютчева эпитафией к своей «попытке исповеди» «Из тихого света». Душа Астафьева, звезда Астафьева будет вечно светить настоящим и будущим его читателям. И он вечно будет наш, как вечны будут и эти, полные добра, любви и сострадания, его эпистолярные строки.

Много, очень много больных и важных вопросов оставил нам Виктор Петрович. Он и сам всю жизнь ими терзался, так и не найдя ответа на многие. Вот и тебе, читатель, листая сегодня этот своеобразный эпистолярный дневник, мучиться равнодушной душой и искать ответы на эти непростые вопросы. Мучиться самому и ответы искать в самом себе, потому как адресат его писем теперь навсегда – все мы.

Это будет нелёгкое чтение и проверка для нас, сегодняшних. Кто мы? Где мы сейчас? Что осталось от прошедшего времени? Что в нас сбылось, а что, увы, кануло в Лету? И справедливо ли кануло? И может, нам всё же ухватиться за его правду, горько, а где и озорно сказанную нам? Ведь правда его вопрошает и мучает нас. И значит, она жива.

Геннадий Сапронов

Эпистолярный дневник 1952—2001

Всё течёт, всё изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

...Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа.

Виктор Астафьев. «Царь-рыба»

1952

9 декабря 1952 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Многоуважаемый Владимир Александрович!

После разговора с Вами пришёл с работы и ознакомился с отредактированным рассказом¹. Вы совершенно правильно сделали, что заменили у него название. Я, откровенно говоря, даже не задумывался над заголовком, а теперь понял, что стоило подумать как следует. С Вашей правкой согласен полностью, кое-что я уже и своим «нюхом» учуял, переделал, но многое пригодится. А вообще даже отредактированный вариант бледен по сравнению с тем, который имеется сейчас у меня. Ну ничего, утешает, что в сборнике будет рассказ лучше.²

Прошу Вас, Владимир Александрович, исправить всюду слово «байя» на «бойе». Я, как видите, написал его по слуху и неверно. Слышится «а», но пишется «о». Мне думается, лучше заменить слово «аргиш» простым словом «переход». Колорит достигается не употреблением северных слов, а речевой интонацией. Я это понял позднее, и теперь у меня северяне говорят по-северному, а не как закоренелые русаки. Кажется мне, что последняя фраза в рассказе лучше будет звучать так: «Это ладно. Надо такие подписи у сердца хранить» (слова Айгичема). Можно и слово «сокуй» пустить без пояснений, а написать так: «Тимкоуль через голову натянул меховую доху-сокуй...», и, по-моему, будет понятно. Вот, в основном, у меня и все замечания по тому тексту, который Вы прислали.

Насчёт «Гражданского человека» я подумал, и, пожалуй, Вы правы. Именно таким рассказом следует открывать сборник. Он будет преддверием от человека, тоскующего на войне по мирному труду, к людям, занимающимся мирным трудом, защищающим мир. Но вот беда, у меня дома нет никакого текста этого рассказа. Восстановить же по памяти я его не смогу, так как он написан давно. Если у Вас имеется какой-нибудь текст «Гражданского человека», вышлите мне, пожалуйста.

Работа над сборником продвигается успешно. Сейчас потею над последним рассказом «В одном ряду». Хочу написать короткий-короткий рассказ, но пока не получается, мучает многословие. Трудно судить о своих произведениях, но, кажется, один рассказ я сделал ничего, во всяком случае, меня трогает. Это рассказ «В новую семью». Может быть, он получился лучше других потому, что тема близка сердцу и выдумки в нём нет.

¹ речь идёт о рассказе «Тимкоуль». – Сост.

² речь идёт о первом сборнике рассказов В. П. Астафьева «До будущей весны», который выйдет в Молотовском книжном издательстве в 1953 г. – Сост.

Ну, я, кажется, расписался. Закругляюсь. Привет всем Вашим коллегам и пожелание успехов в труде. С приветом, В. Астафьев

1953

6 июня 1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Ждали мы от вас обещанное, рассердились и... родили сами разворот³. Правда, шапка у разворота не совсем скромная, но спорить с начальством – дело тяжёлое, и я вынужден был отступить. Надо было писать «начинающих авторов», а не писателей.

Между прочим, открыли мы нового автора – Белугина. Люди читали его повесть и называли талантливым. Вчера и я прочитал её и тоже присоединяюсь к этому мнению. Парень одарённый. Работает он крановщиком в мартеновском цехе, бывший моряк. Сейчас у нас начал работать литкружок, и мы эту повесть Белугина будем обсуждать. После чего, очевидно, он её доработает и мы её отправим в Союз⁴. Ещё этот автор работает над повестью из жизни завода, так что он заслуживает внимания и писательской организации, и издательства. Поговори о нём с Людмилой Сергеевной⁵ и с Клавдией Васильевной⁶, покажи наш разворот и напиши, когда нужно будет выслать повесть Белугина, чтобы её обсудили в издательстве. Она небольшая, всего 73 страницы.

Да, неплохо было бы, если бы в отношении работы кружка нам дали кое-какие указания (пока он работает при редакции, без руководителя и всяких инструкций, но, надо сказать, более активно, чем раньше).

Ну, будь здоров, спешу тут на одно собрание. Пиши.

Крепко жму руку. В. Астафьев

1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

Сейчас только моя жена прислала мне на работу твоё письмо и рассказ. Пишу коротенький ответ. «Королёва»⁷ я отослал с Поповым, он позавчера был в издательстве (только не мог увидеться с тобой), а Рождественская в тот день болела, но стихи он передал и мою писанину Вагнеру тоже. Насчёт твоих вопросов. Я лично склонен к тому, чтобы ты включил «Кандидатскую карточку»⁸ и «Кузнецовку», но смотри сам. Насчёт «Магарыча» я полностью «за». А вот насчёт «Земляники» стоит подумать. Не лучше ли будет рассказ с уральской темой «До будущей весны»? Но я полагаюсь на твоё чутьё и буду согласен с тем, что покажется тебе лучшим. Я, право, сейчас, кроме «Магарыча», не знаю, как оценить свои рассказы.

Вообще, конечно, пока страшно вато печататься в другой области. Словом, и страшно вато, и заманчиво. Но всё, что ни совершается, к лучшему, если даже один рассказ напечатают, и то хорошо.

³ речь идёт о литературной странице в газете «Чусовской рабочий». – Сост.

⁴ имеется в виду Пермское отделение СП СССР. – Сост.

⁵ Римской. – Сост.

⁶ Рождественской. – Сост.

⁷ имеется в виду рассказ «Тот самый Королёв». – Сост.

⁸ здесь и далее в письме названия рассказов. – Сост.

Я после твоего отъезда в тот же день съездил в командировку в Пашню⁹, собрал интересный материал для очерка, но пока за него не принимался, запутался в домашних делах.

Да! Набросал один детский рассказ в период командировки. Думаю все рассказы писать от лица мальчишки, чтобы не подделываться под ребячий тон.

Ну, Володя, будь здоров. Виктор

1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Добрый день, дорогой Володя!

Получил твоё письмо и рукопись. Ждал письма с нетерпением и волнением, всё ещё был в великих сомнениях насчёт сборника¹⁰. Жалковато, как и любому смертному, своё произведение, выкинутое из сборника. Ну да, может быть, это и к лучшему, авось сделаю из него что-то порядочное. В общем, когда ты поедешь к нам, захвати, пожалуйста, исправленный экземпляр этого мученого рассказа. Посмотрел «Землянику»¹¹. Рассказ стал лучше. Но как бы и меня не стали звать захребетником, вроде ставропольских писателей, за которых дописывают редакторы. Если такой правке подверглась только «Земляника», то я считаю, что это ещё не беда, но если все рассказы, признаюсь, мне будет совестно называть книжку своей. «Дерево без корней» – это хорошо и даже здорово. Только скудоумие моё помешало мне найти эту строчку в рассказе для названия.

Интересно мне узнать, Володя, когда приблизительно наберут мою книжку? А ещё интереснее узнать, когда вышлют аванс, ибо в деньгах имею большую нужду. Если сумеешь ускорить это дело, буду очень благодарен тебе. Ну, это между нами, издержать деньги всегда, конечно, успею. Машинку пишущую хочу купить, и поэтому хотел бы поскорее получить гроши. В общем, пока рад и тому, что книжка прошла все стадии перед набором. Гора с плеч.

Ходил один раз на рыбалку, клюёт хорошо, давай приезжай скорее. В огороде редиска и лук поспели. Ы-ых, хороша закуска!

Ну, будь здоров. Держи меня в курсе дел (с книжкой), передай большой привет Надежде Николаевне¹², Владимиру Васильевичу¹³, Лёвке¹⁴ и всем, всем. Крепко жму руку. Виктор

Р. S. Обязательно позвони, когда поедете, чтобы встретить вас, а то ещё нападут чусовские бандиты.

16 ноября 1953 г.

Чусовой (В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

Всё собирался тебе черкнуть, да тут мы сколотили литературную страницу¹⁵, хотели попутно выслать и её. Однако материалы с пресс-конференции вытеснили нашу страницу, и её отложили до следующего выходного, поэтому пишу, не дожидаясь номера.

⁹ рабочий посёлок в Пермской области. – Сост.

¹⁰ имеется в виду сборник рассказов «До будущей весны». – Сост.

¹¹ здесь и далее в письме названия рассказов. – Сост.

¹² Арбеновой. – Сост.

¹³ Воловинскому. – Сост.

¹⁴ Давыдычеву. – Сост.

¹⁵ литературная страница выходила в воскресном номере газеты «Чусовской рабочий». – Сост.

Ну, первое, что меня интересует, ты уже, наверное, догадываешься, книга, конечно¹⁶. Сегодня шешнадцатое, а моя «будущая весна» всё ещё не зацвела. Не бачу я её, что с ней, горемышной? Идёт она или нового года дожидаться? Успокой душу любителя вёсен, напиши, долго ли ещё будет осень? Это одно. Теперь немножко о себе. Штуку ту, о которой тебе говорил, вчера закончил и, как только Марья¹⁷ напечатает, вышлю тебе читать. Рассказ «Личность несознательная» положил «перевоспитываться» в ящик, мне его не переделать в том духе, в каком требуют звездинцы.¹⁸

Как ты живёшь, друже? Чего нового на ваших творческих и издательских горизонтах?

Ну, будь здоров. Жму руку. Виктор

Р. С. Да, не написал ли тебе Боголюбов конкретно, чьи рассказы приняты в сборник? А то Реутов меня спрашивает, как дела с его рассказом?

22 ноября 1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, Володя!

Как видишь, я разродился! Вещь написана, но не отшлифована, поэтому на частности не обращай большого внимания.¹⁹

Попрошу вот о чём: свежим взглядом заметь, где имеются смещения во времени. Как тебе известно, это мой грех. Теперь, не лишка ли природных описаний и сравнений в тексте, понятны ли будут ребятам написанные сравнения, нет ли в тексте таких мест, которые тормозят движение? Надо ли подбавлять в вещь больше трудностей и приключений? Я лично за то, чтобы меньше было выдумки. Мне кажется, для мальчишки и этих испытаний достаточно. Самое главное, Володя, помоги мне разобраться вот с чем: повесть это или рассказ?

Сейчас тот период, когда эта штука должна отлежаться. Видимо, с месяц я в неё заглядывать не буду, поэтому особенно не торопись, а когда будет время, тогда и прочтёшь. Если сумеешь подсунуть прочитать её собратьям – тоже будет хорошо. Чем больше советов и замечаний я получу в процессе работы, тем меньше будет возни с вещью потом.

Да, насчёт языка. Как видишь, я не особенно подделывался под детский язык в авторском тексте. Старался писать просто, но почти так же, как и для взрослых. На этой почве, видимо, у меня будут потом схватки с издательством, однако я буду отстаивать именно такой, не сюсюкающий характер писания, а строгий и немного грубоватый. Как ты на это дело смотришь?

И ещё вот что: как Васютка? Получился ли пацан? Может быть, надо ещё оттенить какую-нибудь его сторону? В общем, безо всякой пощады критикуй – пойдёт на пользу. Можешь прямо в тексте на полях делать пометки. Всё равно ещё перепечатывать придётся не раз.

Получил наконец-то свою «Весну»²⁰. Спасибо тебе! Книжонка получилась аккуратная и выглядит неплохо. Уже поздравляют и критикуют меня людишки. Редакционные коллеги скептически поздравили, а большинство знакомых искренне трясут руку.

Не надумаете ли в Конституцию приехать к нам? Было бы хорошо. Если да, то черкни заранее.

Ну, Володя, будь здоров!

Жму руку. Виктор Астафьев

¹⁶ речь идёт о книге «До будущей весны». – Сост.

¹⁷ Мария Семёновна Корякина-Астафьева, жена писателя. – Сост.

¹⁸ редакция областной газеты «Звезда». – Сост.

¹⁹ речь идёт о рукописи книги «Васюткино озеро». – Сост.

²⁰ имеется в виду книга «До будущей весны». – Сост.

1954

Май 1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко и В. Г. Александрову)

Дорогие Володя и Володя!

Если вы желаете посмотреть на настоящий Урал и отдохнуть по-настоящему, вам колебаться не надо. Берите отпуска и айдате ко мне. Какая перспектива вас ожидает? Жизнь на лоне природы – раз! Трезвость (ибо там, куда мы поедем, близко магазина нет) – два! Временное избавление (а я считаю для отдыха настоящего джентльмена это очень важным фактором) от спутницы жизни – три!!! Ну, я думаю, этого уже достаточно, чтобы соблазнить вас, если вы, конечно, поэты и вам осточертел город.

Вильва²¹ снова мутная, но это не должно смущать вас, как не смущает и меня. Мы можем подняться на лодке выше на шесть километров того старика-метеоролога, о котором я говорил, и там устроить жильё, допустим, шалаш, или займём пустую хату. Там Вильва уже светлая. Можем податься и вверх по Усьве²², например, в посёлок Бревно, в коем живёт 109-летний старик. Словом, поживём, как настоящие «робинзоны», наберёмся вдохновения, а место, где нарыбалить, мы всегда найдём. Насчёт лодки я уже договорился, насчёт отпуска тоже – с 1 июня. Дело за вами. Но, право, если вы надумаете, вам позавидуют не только живые молодцовские писатели, но и мёртвые. Не знаю только, дадут ли вам разом отпуск. Ну, настаивайте. Смелость города берёт, а вы ребята brave и уж маму-то Римскую²³, думаю, одолеете. Давайте, действуйте.

Так что дело за вами. Пишите, когда, как, что? Чтобы я был начеку.

С приветом, В. Астафьев

13 июля 1954 г.

(В редакцию журнала «Новый мир»)

Уважаемая редакция!

Я – начинающий автор. Писать начал три года назад. Ещё в первый год я написал рассказ о мальчике-сироте, который обрёл новую семью в детдоме. Рассказ так первоначально и назывался «В новую семью». После него я написал уже порядочно рассказов, некоторые из них напечатаны. Но, видимо, у каждого начинающего есть такие вещи, которые нуждаются в том, чтобы их переделывали и переделывали. Рассказ этот я много раз переделывал, но отправить куда-либо не решался. Читал людям – нравится, но меня в нём что-то смущает.

Недавно я взялся за него ещё раз и сделал не от первого лица, как он был написан, а от третьего. Но разобраться в нём, увидеть его со стороны мне до сих пор трудно. Дело в том, что рассказ этот почти автобиографического характера. Когда я его читаю, к написанному примешиваются мои чувства, воспоминания, я волнуюсь. А волнует ли этот рассказ читателя, сказать не могу.

Мне очень хочется разобраться в этом рассказе и получить квалифицированную помощь, поэтому я впервые решился отправить свою рукопись в толстый журнал. Может быть, кто-

²¹ река в Пермской области. – Сост.

²² река в Пермской области. – Сост.

²³ Л. С. Римская. – Сост.

нибудь из писателей не откажется прочесть этот рассказ и указать на его недостатки. Я не обижусь ни на какую критику, буду за неё только благодарен.

В. Астафьев, г. Чусовой Молотовской области, ул. Партизанская, 76.

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

Посылаю ещё одну литстраницу, как видишь, трудимся! Решили делать почаще странички, да, к сожалению, из нашего полку убыло. Уехал в Свердловск хороший писака Алексей Степанович Новосельский. Так что письмо твоё его не застало, а он рад бы был, но ничего, он обещал писать мне, поэтому я не теряю надежды переслать ему письмо. И Никольскому передам обязательно, парень тоже будет рад.

А письмо, которое пришло на моё имя от Назаровского (ты, вероятно, знаешь, о чём в нём речь), озадачило меня²⁴. Я же в сельском хозяйстве ни бельмеса, редьку от брюквы с трудом отличаю, поэтому откажусь от участия в сборнике, тем более что сейчас и в колхозы мне ехать негодь. Пепеляев у нас уехал на год учиться в г. Молотов²⁵, вместо него Толстиков. Так что в редакции не хватает двух человек (нет ещё человека на сельхозотделе) и работы, конечно, по горло. Возможно, я найду кого-нибудь, кто согласится написать этот очерк.

Ну, как ты поживаешь? Что нового? Пиши.

Жму руку. Виктор

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко, В. Г. Александрову)

Здравствуйте, орлы-курортники!

Шлю вам виды. Комментарии к ним, как говорится, излишни. Поэтому сразу перехожу к делу. Как моя книга?²⁶ Брать мне с собой ружьё, когда поеду в Молотов, или миром обойдёмся? Глядите, ребята! Я тут за отпуск шук множество съел, так что со мной шутки плохи. Ясно?

Чем вы порадовали за отпуск себя и Родину? Я думаю, о себе-то не забыли, слышал, что «караул» насчёт денег кричали, а как насчёт творчества?

Я отпуск провёл дома. На рыбалке был только пять дней и настолько удачно, что вдругорядь не потянуло. Далеко и тяжело. Работал, конечно, марал бумагу. Намарал много, оттого и здоровьишко нисколько не улучшилось, всё ещё шумит в голове. Это меня начинает беспокоить не на шутку. Ну, да ничего, бог не выдаст, свинья не съест. Кормиться надо.

Из журнала «Смена»²⁷ мне настойчиво протежируют литературный институт, но для этого надо сдать экзамены за 10 класс, а у меня сейчас, пожалуй, силёнок не хватит. Я совсем ослаб в математических науках, надо начинать почти с третьего класса.

Ну вот, хотел трохи черкнуть и расписался.

Только что вернулся из командировки. Ездил по лесам и долам, видел много интересного.

²⁴ В. Астафьев получил предложение принять участие в работе над сборником «Корни уходят в землю. Очерки колхозной жизни». Книга выйдет в 1955 г., в ней будет напечатан очерк В. Астафьева «Идёт весна». – Сост.

²⁵ в 1940—1957 гг. название Перми. – Сост.

²⁶ Вероятно, речь идёт о книге «Огоньки», которую планировало издать Молотовское книжное издательство. – Сост.

²⁷ в 1954 г. в нём был опубликован рассказ В. Астафьева «Заноза». – Сост.

Да, братцы! Вы, конечно, сейчас народ издержавшийся до невозможности, но тем не менее раскошеливайтесь, если не трудно, пришлите мне альманах № 18²⁸, который, по слухам, вот-вот должен выйти.

Жму крепко ваши лапы. Виктор

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Тебе, наверное, неизвестно, что я страшный лентяй писать письма, ну так вот, в силу этой лени я даже не ответил на твоё письмо. Теперь вот потянуло потолковать с тобой в час послетрудовой, я и взялся гвоздить.

Только что прочёл рецензию в «Звезде»²⁹, где меня абзацем отметили, и выражаю страшное недовольство тем, что обошли, в общем-то, неплохой очерк. Забывчивость некрасивая, ведь человек печатается впервые, ждёт, поди, критики, ночей не спит, а тут на тебе, ни слова.

Насчёт критики на Ваньку Реутова³⁰ судить не берусь. Но наш «злопыхатель» Толстиков ковырнул этот роман с точки зрения исторической, и оказалась там такая ересь, что надо дальше, да некуда. Он написал спокойную и убийственную рецензию с доказательствами, ссылками на первоисточники. Очевидно, на днях она будет напечатана в нашей газете, и я тебе её пришлю. Она могла бы, разумеется, и не появиться, если бы автор романа не мнил о себе чёрт знает что и не нуждался в том, чтобы его спустили на землю. Реагировал он на критику по-реутовски: каждому встречному и поперечному объяснял, что ляпусы эти и ошибки наделали издательство и редактор, а он-де давал рукопись, куда с добром. Словом, готовит он на нашу редакцию жалобу от горкома и вплоть до ЦК.

Сегодня 11-е число, а денег до сих пор из издательства я не получил. Тоскливо. Между прочим, журнал «Смена» по этой части аккуратностью не блещет, тоже не прислал мне гонорар, и я сумлеваюсь, уж не забыли ли!

А как ты существуешь? Всё редактируешь? Брось ты это занятие к чертям и приезжай ко мне, глядишь, хоть чего-нибудь здесь напишешь, там, как я погляжу, тебе не дадут взяться за перо. На самом деле ты ведь не для того же ушёл из издательства, чтобы батрачить снова. Здесь, на отшибе, не больно до тебя докричаться, и ты сотворишь чего-нибудь. А то я, откровенно говоря, боюсь, как бы ты не отвык работать над своими вещами и не превратился в вечного редактора. Черкать же таких, как Кривооченко – Астафьев или Недоуменко – Реутов, не совсем приятно. Они наворачочают, а ты зализывай, не твоё это призвание.

Так, это всё беллетристика. Теперь о деле. Филоню я страшно и за последнее время почти ничего не написал, думаю с сегодняшнего дня взяться, так как погода настала самая писучая. О деньгах ты не беспокойся, потому что всё равно мне, очевидно, скоро пришлют из издательства 60 процентов, и тогда разбогатею. Но о книжке, я думаю, беспокоиться надо³¹. Напиши мне всё-таки, когда мы сумеем взяться за неё, чтобы я подготовился к этому времени, прикончил свои дела.

Будь здоров. Жму руку. Виктор

Декабрь 1954 г.

²⁸ речь идёт об альманахе «Прикамье» (1940—1960) Пермского отделения СП СССР. – Сост.

²⁹ областная газета. – Сост.

³⁰ речь идёт о романе И. Реутова «На уральской реке», напечатанном в альманахе «Прикамье», 1954, № 18. – Сост.

³¹ имеется в виду книга «Огоньки». – Сост.

Чусовой

(Семье В. А. Черненко)

Здравствуйте, Черненки!

Поздравляем вас с наступающим Новым годом, от души желаем того, чего хочется, а также здоровья, дружбы, а Володе больших творческих успехов. Навидавшись в Московии всяких разностей и наслушавшись литературных богов и божков, он, наверное, здорово вдохновился и нагвоздит теперь большой том, как дом, да ещё крепче «Кольчуги».³²

Слушай, Володя! Говорил тебе В. Александров или нет относительно нашего литкружка? Если нет, то я вот что хочу сообщить. Мы решили возобновить работу кружка, ибо молодая поросль осаждают и требует к себе внимания. На сей раз мы решили поставить наш кружок на твёрдую ногу. Наметили избрать старейшиной А. М. Толстикова. Первое организационное занятие думаем провести 7 января. Вернее, не думаем, а уже дали объявление в газете. Я очень бы просил тебя переговорить с Клавдией Васильевной Рождественской относительно присылки на это первое занятие кого-нибудь из отделения Союза писателей. Было бы очень хорошо, если бы приехали ты или она как участники съезда³³. Помогли бы нам практически. Кроме того, неплохо будет, если приедет кто-нибудь из издательства, посмотреть здесь на месте кое-что, познакомиться с авторами. А авторов этих, паря, всё прибавляется и прибавляется, скоро дойдёт, наверное, до того, что, куда ни плюнь, в писателя попадёшь.

Я думаю, Володя, что приехать сюда к нам в интересах не только наших, но и писательской организации. Кроме того, нам надо с тобой решить в отношении книжки³⁴. Я, например, совсем охладел к ней, и как теперь быть, не знаю.

Ну, ещё раз поздравляю с праздником и крепко жму руки. Виктор

³² имеется в виду роман В. Черненко «Кольчуга». – Сост.

³³ речь идёт о II съезде Союза писателей СССР, участниками которого были К. В. Рождественская и В. А. Черненко. – Сост.

³⁴ вероятно, речь идёт о сборнике рассказов В. Астафьева «Огоньки». – Сост.

1955

1955 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Письмо твоё получил и рад тому, что ты – хоть и беден, но бодр. Я тоже бодрюсь и тружусь, а иначе нельзя, потому как роман³⁵ надо дописывать, дабы и впредь лапу не сосать.

Ну, говорить тебе о том, что живётся после отпуска туго, я думаю, не надо. До того делалось туго, что позавчера звонил в издательство, говорил с какой-то женщиной. Она сперва напугала, а затем пообещала... мол, скоро гроши вышлют. Цену таким обещаниям я приблизительно знаю, но всё же надеюсь, что издатели не обойдут своей милостью страждущего человека, у которого, по заверениям «Звезды», «богатая кладовая», да он якобы ею пользоваться не умеет³⁶. Я теперь держу ружьё заряженным. Так как уверен, что чусовское жульё, вычитав насчёт моей кладовой, обязательно ночью полезет, а в кладовой-то Секлетины³⁷ спит, ещё пострадает девка из-за неосмотрительно оброненного рецензентом слова.

Как ты живёшь? Погодка-то вай-вай, только в «Каме»³⁸ и сидеть. Думаю, что в конце августа я привезу в издательство книгу на обчитку, и, пока её там листают, можно будет податься на Яшу³⁹. Шибко охота! Тут я несколько раз бывал в лесу по ягоды, грибы и раз на рыбалку. Поймал четырёх щурят – одного приличного. Читал в «Литературке», как разгвоздили Фрадкина⁴⁰ Чёрт его знает. Наша организация такая, которая заслуживает больше внимания, чем тульская и им подобные. Ты бы хоть натравил Молчанова написать статью перед совещанием молодых.⁴¹

Ну, будь здоров, лист кончается. Жму руку. Виктор

³⁵ в 1955—1957 гг. В. П. Астафьев работал над романом «Тают снега». – Сост.

³⁶ имеется в виду статья А. Романова «Рассказы для детей», опубликованная в областной газете «Звезда» 17 июля 1955 г. – Сост.

³⁷ няня детей В. П. Астафьева. – Сост.

³⁸ ресторан «Кама». – Сост.

³⁹ река в Пермской области. – Сост.

⁴⁰ Речь идёт о книге пермского прозаика В. Фрадкина «Дорога к звёздам», рецензия на которую была опубликована в «Литературной газете». – Сост.

⁴¹ Всесоюзное совещание молодых писателей. – Сост.

1956

26 апреля 1956 г.

Чусовой

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван, а также твои ребята – Олег и Серёжа и супруга Анна Дмитриевна.

С приветом к вам Виктор с семейством.

Получил твоё письмо, Иван. Спасибо за память. Рад, что ты устроился и все твои мучения, я не имею в виду творческие, позади. За фотографии особенное спасибо. Это большая память о Родине моей, о которой я никогда не переставал и не перестаю тосковать. Но что сделаешь. Есть несовременная, однако добрая пословица – «Не живи, как хочешь, а живи, как бог велит!». Пока приходится мириться с дымным и не очень приветливым дедушкой-Уралом.

По возвращении из Красноярска я принялся основательно за свой роман и к ноябрю закончил первый вариант. В конце ноября его толково обсудили в отделении Союза писателей и дали мне крепкую зарядку на доработку вещи. Увы, я так безжалостно расходовал здоровье в былые времена, что на систематическую работу меня уже не хватает. С ноября и до середины февраля я лечился электричеством, уколами, микстурами и прочей дрянью. Добился очень немногого. Немножко меньше сделались головные боли и звон в ушах. Поэтому если не критики-перестраховщики, а коллеги-контрики растащат по листику мою книгу, то я, наверное, разmozжу свою голову, наполненную гипертоническим звоном, о первый же телеграфный столб.

Так, ну что ещё тебе рассказать о своих литделах? Наклёвывается переиздание детских рассказов в Москве. Со дня на день жду вызов. Там к моим рассказам отнеслись более благосклонно. Вот, может быть, твои замечания удастся учесть при доработке рассказов. Здесь местная критика излишне захваливает мои вещи. Хорошо, что у меня крепкий рассудок, а то бы охмелел, пожалуй. Недавно журнал «Смена» напечатал два моих очерка и обещает ещё один напечатать (смотри № 5). Да, рассказ «Васюткино озеро» Молотовское издательство издаёт отдельной книжкой. Вообще-то рассказами я сейчас занимаюсь мало. Лежит их целая папка, все требуют доработки, а сил и времени нет. Очень я жалею, что много труда и сил убил на вещи легковесные, отдавая дань тому духовному течению в литературе, в котором захлебнулся не один начинающий автор.

А вообще чаще и чаще нападает на меня какой-то творческий столбняк. Вот, к примеру, прошло два дня, а я ни строчки не сделал, поэтому и взялся за письма. Раздумья, раздумья, раздумья. И всё больше горькие. То ли здоровье шалит, то ли мудрее становлюсь, сам не знаю. И поговорить не с кем, и душу излить некому. Чужая сторона ушей не имеет.

Вот под настроение видишь, как расписался. Пора и честь знать. Пиши мне. Может быть, не всегда своевременно, но всё равно с удовольствием отвечу.

Крепко жму руку и желаю всех благ земных.

На этом письмо заканчиваю. Время позднее, и мысли расплываются, как дождевики на стене. Устал я за день крепко и потому закругляюсь. Погода у нас отвратительная. Всё время дожди и снег. Грязь, слякоть непролазная, а летом, наверное, всё сгорит от жары. Что-то в природе, как и в народе, запуталось, утратило закономерность. Ну, кланяйся родной земле в день весенний. Целуй своих ребятешек и половину.

Пиши, что нового в Красноярске вообще и в литературном мире в частности. Извини за почерк. По сравнению с твоим – его вообще нельзя назвать почерком. Но, надеюсь, как-нибудь разберёшь, хотя и знаю, что это трудное дело. Кстати, я теперь совсем собрат с тобой – выписал очки. Зрение село здорово.

Ну, будь здоров. Обнимаю тебя, твой земляк Виктор

1956 г.

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван!

Получил твоё восторженное письмо, благодарю за него. Ты, конечно, перехвалил мои очерки. По-видимому, твоя натура подобна моей – она состоит из сплошных крайностей и способна или восторгаться беспредельно, или подвергать беспрекословному уничтожению то, что не поглянулось. Человек без середины – это характерная черта нашего поколения. Причины этого кроются очень глубоко, в неправильном воспитании. Недаром же мы только сейчас начинаем прозревать и смотреть на свет белый удивлёнными глазами. А вот Писарев, батенька мой, к 28 годам уже был величайшим мыслителем, ярчайшей кометой на тёмном небосводе. Н-да, поуродовали нас в детстве, крепко поуродовали сверхидейные воспитатели, а это стоило многих ошибок в жизни, в людях оставило немало рубцов на наивных сердцах, которые всё принимали за чистую монету. Надеюсь, ты понимаешь меня?

Но я несколько отвлёкся.

Подходит мой праздник, 1 мая. Я называю его моим потому, что он трижды мой. Во-первых, весна, во-вторых, на 1 мая мой день рождения, мне исполнится 32 года, в-третьих, просто праздник, с которым я вас от всего сердца поздравляю и желаю детишкам, тебе, жене всех благ земных и радости весенней. Иван, если ты хочешь мне сделать приятное в день рождения, пришли, пожалуйста, в конверте подснежник. Ну, тот самый, с кремовыми мягкими лепестками в форме чашечки. У нас здесь такие не растут, а только беленькие, мелкие, как пуговицы. Вообще нет ничего краше сибирских цветов и края сибирского!

За фотографии спасибо. К сожалению, я сейчас не могу тебе выслать своих. Готовых нет, а сам я фотографировать не умею. Руки деревянные. Как-то были с другом на рыбалке, и я поймал спиннингом здоровенную щуку на семь килограммов. Ну, естественно, друг приказал мне стать в позу и запечатлел меня на фоне уральских гор с чудовищем в руках. А потом навёл аппарат, взял мою щуку и говорит: «Ты только чикни, там всё сделано». Ну я и чикнул, так что он даже в объектив не попал. Он проявил плёнку, кроет меня на чём свет. А я ему говорю: «Бог-от кривду видит. Ты чьей щукой хотел фасонить? Моей!» Он на меня в драку. Весело было. Словом, сколько мне ни доверяли аппарат, ничего путного не получалось...

Окончание письма утрачено

Май 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, Володя!

Сегодня приехал из Лысьвы⁴² и сыскал в ящике извещение на перевод, аж на полтораста рублей. Понял, что от вас, очень кстати эти карбованцы. Спасибо. Сие событие послужило поводом к написанию сего письма.

Живу я неходко. Дела продвигаются плохо. Что-то очень нерабочее настроение. Или наступила «пора серенад», как это отметил в своё время небезызвестный Андрюха Ромашов, или надвигается рыбацкий сезон, только не пишется – и баста! Подготовил, правда, «Васюткино озеро» для отправки, по вашему совету, в Москву, и всё.

⁴² город в Пермской области. – Сост.

Володя, был тут без меня Балахонов и довёл до сведения моей Марьи такие новости: в издательстве денег нет, и будут лишь 10 июля. Я вот что тебя прошу: пусть Володя Александров узнает, сколько мне придётся получить всего и за очерки, и из сборника сатиры, и сообщит, когда это можно сделать, т. е. получить гроши, или сообщи ты. Мы бы с Марьей тогда приехали в Молотов получить гроши, а то, пожалуй, ни грошей, ни времени не останется.

Между прочим, если не смотрел картину «Папа, мама, служанка и я» – обязательно посмотри. Картина эта из числа грустных комедий на бытовую тему, которые умеют мастерски делать французы и, увы, совсем разучились делать наши. Правда, тут некоторым она не нравится, потому что, как и всякая французская картина, она немножко скоромная, да мы ведь великих постов тоже не признаём, хотя подчас и стараемся делать вид, что причастны к лику святых.

Ну, будь здоров. Знаю, что будешь плевать, разбирая каракули, да что сделаешь. Жму руку. Виктор

Октябрь 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Я так и не собрался поехать в Молотов. Главная причина сам знаешь какая. Время у неработающего писателя есть всегда, а вот деньги – редкие гости. А тут Маня придумала болеть каждый месяц, и без «кормилицы» туго совсем. Я, собственно, сегодня и писать-то начал от отчаянья, чтобы спросить у тебя, не знаешь ли ты кого-нибудь из наших сознательных писателей, кто мог мне дать тыщонку займа месяца на два-три? Может быть, у Бориса Ширшова или у Саши Макарова есть? Пришла пора подписываться на газеты и журналы, за ребяташек платить – и хоть реви. Из-за проклятых денег работа идёт туго. Не сделал ещё и половины книги. Всё думаешь, чего завтра жрать? Чтoб она пропала, эта наша доля!

Ну ладно. Теперь изложу вторую, более светло-радостную причину, которая побудила меня написать письмо. Ходил я недавно на охоту. В верховьях одной из речек мы обнаружили лося, пойманного в петлю. Ну я, разумеется, заявил об этом в милицию. Дали мне милиционера, председателя охотобщества и ещё человека, и мы пошли, но лося нашли уже убитого. Браконьер половину его, в том числе рога, сумел стащить и спрятать, другую же половину мы нашли и забрали. И вот, если у тебя есть желание попробовать лосятины от пуза, забирай поллитра (в нашем городе сухо) и двигай ко мне, хотя бы на день. Можешь прихватить с собой Ширшова, и, если погода будет ничего, сходим в лес с ночёвкой. Там есть избушка хорошая.

Вот так. Новостей у меня больше нет. Из «Смены» пока ничего насчёт очерков не сообщили. Московский редактор пока тоже помалкивает насчёт сборника⁴³. Тишь да гладь, и роман⁴⁴ дорабатывается со скрипом. Надоел он мне и разонравился, а это основная беда, тормозящая работу. Ну и хрен с ней. Картошка есть, мясо есть, разве это не житуха.

Приезжай, старина. Жму лапу. Виктор

Р. S. Да, если у вас в Молотове будет идти картина «Седьмое небо», то обязательно посмотри, иначе много в жизни потеряешь. Таких картин на свете очень и очень мало. Я вот вчера вечером посмотрел, и она мне сегодня всю ночь грезилась. Изумительная вещь!

1956 г.

Чусовой

⁴³ вероятно, речь идёт о сборнике рассказов В. Астафьева «Тёплый дождь». – Сост.

⁴⁴ «Тают снега». – Сост.

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Ждал я, ждал, когда у меня появится настроение дорабатывать «Чижики», и не дождался. Своим наплевательским отношением к рукописи вы, очевидно, надолго убили во мне охоту дорабатывать этот рассказ. Думаю, для того чтобы согласиться со мной, тебе надо представить себя на месте того автора, которому пришлют его рукопись в таком виде.⁴⁵

Говорю всё это, может быть, и грубо, но, как всегда, прямо. Желаю, чтобы начало этого письма ты зачитал членам своей редколлегии. Вообще-то мне нужно было встать в оскорблённую позу, но я надеюсь, что случай с моей рукописью был единственный и последний. Губить в авторах их добрые побуждения неряшествами нельзя, за каждой рукописью стоит труд человека, и не всегда праздный труд. Ты это понимаешь лучше меня и, думаю, не возьмёшься опровергать мои доводы или, тем более, обижаться на них.

В наказание же за ваши грехи я посылаю вам новый многотрудный рассказ «Месть» и фельетон для раздела сатиры. Первых экземпляров нет дома, где-то братцы читают, а потому шлю вторые. Я сейчас, несмотря на болезнь, много и упорно тружусь над романом. Чего у вас нового?

Жму руку. Виктор

Ноябрь 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Добрый день, Володя!

Как ты там, живой? У тебя ли ещё пребывают гости? А я, брат, после всех треволнений при обсуждении⁴⁶ захворал, с головой сделалось хуже, и до сих пор ничего не делаю. Работать хочется здорово, а не могу. Читать тоже нельзя, но как удержаться – читаю, отчего голове лучше не становится. Надо бы использовать это зря пропадающее время на поездку в колхоз, а мне почему-то не шлют из Союза⁴⁷ обещанных командировочных вот уже скоро месяц. Я не выдержал и написал письмо Рождественской с просьбой объяснить, что сие значит, но и она отмалчивается. Ты не в курсе дел, а? Если да, то черкни, отчего такая задержка. Без поездки же в колхоз мне за рукопись приниматься невозможно, и, если с командировкой там ничего не получилось, пусть они душу не томят, я буду тогда сам что-нибудь изобретать.

Мне тут, правда, присылали кус из Свердловска за очерк сорок процентов и шестьдесят процентов за рассказ, который они взяли в детский сборник (очевидно, «Тольку»), но, будучи невыдержанным от природы, я эти деньги растрёс в течение суток: послал немного отцу, который вот-вот должен нагряться, раздал долги, и всё. При желании можно было, конечно, выкроить на поездку, но я понадеялся и теперь сижу на мели. Очерк в «Смене» что-то тянут, не печатают⁴⁸. Возьмут да раздумают. Им что, никакого урону, а мне таковой сюрприз даже не по нюху будет.

Однако есть у меня и отрады. Я ведь тебе говорил, что издательство взяло переиздать «Васюткино озеро». И они мне поставили превосходные условия, с помощью коих я думаю относительно безбедно доработать рукопись романа. Дали они двойной тираж и оплату, как за новое произведение, словом, оплата за лист получается в три тыщи с лишним. Такой «дерзо-

⁴⁵ листы рукописи рассказа были загрязнены, помяты. – Сост.

⁴⁶ романа «Тают снега» в областной писательской организации. – Сост.

⁴⁷ Пермского отделения СП СССР. – Сост.

⁴⁸ речь идёт об очерке «Любовь к жизни», который будет опубликован в № 15 журнала «Смена» за 1956 г. – Сост.

сти» я от них не ожидал, знаю, что всё это сделано для того, чтобы я смог дотянуть книжку, и такая чуткость меня ко многому обязывает. Вот почему надо поспешить в колхоз.

Жму крепко руку. Виктор

1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Володя!

Только запечатал тебе письмо, является почтальонка и вручает от тебя пакет. Спасибо тебе, Володя, от души за искреннюю оценку рассказа. Ведь на таких вещах легко споткнуться и уйти в сторону. Будем считать, что я написал её не зря.

Даже неудачная вещь многому учит. Иногда, пожалуй, больше, чем удачная. Лишний раз это меня убеждает в том, что надо поменьше выдумывать. Ведь моя биография – это кладёзь, который едва ли за жизнь вычерпашь. Она и должна быть источником дальнейших трудов. Вот и будут следующие рассказы о моём товарище детства. И вообще мне надо писать больше о ребятах. В этом я убедился, работая над романом. Моя стихия – быт, семья, ребятишки. Производство не для меня.

Бувай. Виктор

1957

Апрель 1957 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Давно от тебя ни слуху ни духу. И я не подаю признаков жизни. Трудимся, брат. Трудимся так, что огонь из-под пера. Вчера поставил точку, и Марья начала печатать рукопись на машинке.⁴⁹

Ну что тебе сказать о работе? Рукопись увеличилась на сто страниц. Это первое. Великолепная получилась, на мой взгляд, последняя глава, в которой Серёжа воскрес. Вот, пожалуй, всё, что я могу сказать о рукописи. Она ещё не отстоялась, не отлежалась, и я, разумеется, не могу взглянуть на неё трезво-критически. Думал я её доставить в Молотов перед праздником, однако воздержусь это делать. 10 мая выезжаю на курорт и завезу попутно. Это время использую на то, чтобы лучше подчистить текст, выловить, что можно. Думаю один экземпляр прихватить с собой, может быть, в Москве кому-нибудь суну почитать.

Да! Есть немаловажное событие в моей творческой жизни. «Детгиз» серьёзно заинтересовался моей персоной и заключил со мной договор на издание сборника. При этом получились такие казусы, которые удивили меня, и, вероятно, не оставят равнодушным и тебя. В «Детгизе» начисто забраковали «Только»⁵⁰, с большим скрипом и под вопросом оставили в сборнике «Васюткино озеро». Лучшими рассказами они признали «Схватку» и «Землянику». Во, брат, какие вещи! Это лишний раз подтверждает, что единого мнения на литературное произведение не может существовать. Когда поеду в Ялту, остановлюсь на несколько дней в Москве. Побываю в «Детгизе», выясню всё окончательно.

Весьма понравилась мне статья Антокольского в «Литгазете» о конференции уральцев⁵¹. Мудрый мужик. О конференции до меня дошли лишь печатные отголоски, по которым судя, я сделал вывод, что молотовская литература была рыбой на безрыбье. Так ли это? Однако не буду суров. Уже одно то, что нашу область наконец-то заметили, щекочет самолюбие и патристические чувства. Да! Володя!

Вот пока всё. Марья у меня придумала нынче болеть часто. В связи с этим сидим на могучей финансовой мели. И если Олег Селянкин там пошевелится и ускорит перевод сорока процентов, возражать не станем.

Жму руку. Виктор

⁴⁹ имеется в виду рукопись романа «Тают снега». – Сост.

⁵⁰ здесь и далее названия рассказов. – Сост.

⁵¹ речь идёт о межобластном совещании уральских писателей. – Сост.

1958

13 октября 1958 г.

Чусовой

(И. Степанову)

Здорово, Иван, здорово, заблудшая душа!

Рад был получить весточку о том, что ты жив и к тому же здоров, и принят в партию, и живёшь в Ачинске! Я завидую всем, кто живёт в Сибири, а значит, и тебе. В письме ты известил меня, что принят в Союз журналистов, на что у меня, брат, есть козырь – я на днях принят в члены Союза писателей. Событие в моей жизни немаловажное!

За эти времена временного затишья нашей переписки событий произошло много, и я боюсь, что в письме их не описать. Первое и главное событие, из-за которого я бросил писать не только тебе, но и всем на свете, – это то, что у меня свалилась жена с диагнозом туберкулёз кости, а следом за ней сын, и с подозрением на этот же диагноз. Тут уж, брат, не до писем. К тому же затеяли покупку дома, да работал я собкором областного радио и ездил тут по всем краям. Сейчас Маня дома, сын тоже, работу в радио я к чертям собачьим бросил – надоела, и вот отвечаю на гору писем. «Расшиваюсь», как говорят железнодорожники.

А в Красноярске я больше не был и стосковался до жути. Но есть шанс убить медведя. Я закончил работу над первой частью повести «Перевал» и собираюсь писать вторую часть, а действие её происходить должно в Игарке. Летом я налаживаюсь туда и, поскольку нынче ты живёшь на пути, видимо, заверну на денёк-другой к тебе. Вот тогда поболтаем. Пока же коротенько о моих делах.

В прошлом году вышли в свет три мои книжки. Одна маленькая для детей в Перми и там же роман «Тают снега», сборник рассказов «Тёплый дождь» в «Детгизе». Его ты мог увидеть, он продавался по всему Союзу, так как издан был большим тиражом. Что же касается романа «Тают снега», то он до Сибири, надо думать, не дойдёт, так как издан всего пятнадцатью тысячами и, насколько мне известно, распродан в пределах области. Но дело поправимое. Для друзей у меня сыщется экземпляр, и я тебе вышлю его на днях, чего не могу сделать с другими книжками, запас каких иссяк.

Сейчас заканчиваю работу над сборником рассказов. Один из них передавался по радио из Москвы с музыкой и тому подобными атрибутами и произвёл фурор, так как после этого наше областное радио уже трижды повторяло передачу его по просьбе радиослушателей. Называется этот рассказ «Ария Каварадосси». Но вообще стало мне работать трудно. Литературная выучка даёт себя знать, да и здоровьишко никудышное. Безумно болит голова. Работаю лишь утром, а к вечеру полный дурак и немогущий, как Казанова в старости.

На днях был у меня работник журнала «Молодая гвардия». Сделали совместно с ним большой очерк. Место для него оставлено в 12-м номере, но поместят ли – не знаю. Заострили мы очерк здорово. Потихоньку печатаюсь в нашем новом журнале «Уральский следопыт». У нас ведь ещё кроме него сейчас выходит и журнал «Урал». Печататься есть где – знай пиши, да получше. Но, к сожалению, «лучше» в наши дни понятие растяжимое, не всегда лучшее попадает в печать, а чаще почему-то худшее.

Вот, Иван, пока коротенько о себе и о своих делах. Видимо, я написал далеко не обо всём, но надеюсь встретиться и тогда «выложимся».

Что же касается тебя, газеты и т. д., то могу сказать, что голова у тебя болит именно от пятиразовой газеты, будь она неладна, а писать тебе нужно, несмотря на это. Я до сих пор помню твой рассказ «Чёрный крест» и думаю, что придёт твой день, хотя бы потому, что ты печатаешься и недоволен собой. Всем, кто остаётся доволен своей писаниной, можно смело

ставить крест – это уж я знаю по той литературной братии, с которой знаком. Самодовольство – это крыша, ну а с крыши писать легко. Так что больше всего боясь быть довольным написанным – это уж на собственной шкуре испытано. Пока я недоволен всем, что написал и издал, и радуюсь тому, значит, ещё карабкаюсь «на крышу» и не хочу, чтобы она была как на бане – шагнул и на ней.

Жму крепко лапу. Виктор

Адрес мой изменился. Я переехал всего лишь на квартал в сторону, и звучит он ныне так: Пермская область, г. Чусовой, ул. Нагорная, дом 60.

1959

8 марта 1959 г.

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван!

Ты прости, брат, что я так долго тебе не отвечал. Лишь на днях появился дома.

Вернулся из Коми округа, и сразу вызвали в Свердловск – сдавать в набор первую часть повести. Она должна появиться в № 5 журнала «Урал». После Свердловска в Пермь, там уже утвердили творческую командировку в Игарку – писать вторую часть повести «Перевал», которая печатается в «Урале». Так что нынче снова увижу Сибирь. Рад – безмерно.

Ну-с, теперь о самом главном – о твоих рассказах. Прочёл я их, Иван, и не хотелось тебя огорчать (ведь друзьям хочется говорить только приятное), но кривить душой я не умею и прямо скажу: плохо.

Меня поразила не сама, так сказать, техника письма (тут ты уж поднаторел кое в чём), не литературщина даже, которая так и хлещет через край в обоих рассказах, а их убожество. Ты только прикинь мысленно, о чём рассказ «Последняя встреча», и получится: «Водка бяка – её пить вредно!» Ну мелко же, Иван, мелко! А второй, длинный рассказ, о чём? О том, как парни тёткам домишко соорудили, сюрприз роженице преподнесли? Слащаво, по-бабьи сделано и высосано из пальца. А этого я никому не прощаю. Так какого же дьявола, ты – парень бывалый, тёртый, свет и людей повидавший, уподобляешься эстетикам-белоручкам? Ведь есть же у тебя за душой настоящие образы, настоящие сюжеты – почему их бережёшь? Газета давит, газета требует? Пиши для газеты – это тоже дело нужное. Но в литературе не поступайся, не разменивайся по дешёвке. Комай глубже. Пусть будет это ещё неумело, по-топорному сделано, однако это будет твоё, твоя кровь, твоя плоть. И тогда слова будут другие, тоже твои, а не стёртые до дыр газетные штампы. Пишешь ты этикие рассказы, как «Чисто золото» и «Последняя встреча» (одни названия чего стоят! – вытрепанные, затасканные, как парижские проститутки!), левой ногой (если надо, я тебе когда-нибудь это докажу). И потому столько в текстах ляпсусов и галиматий, что я не знаю даже, какие примеры приводить.

Ну, вот первый попавшийся: «Ничто не останавливало преобразователей Сибири – ни мороз, ни пурга. Рос новый посёлок и т. д.». «Прибавляя газу, он задумался над тем, как оправдать попойку» – ну разве можно так всерьёз писать, душа любезная? Это же издевательство над словом «рассказ» и над русским языком!

Ты мне можешь возразить, ссылаясь на читателей: им, мол, понравилось. Но меня этот аргумент не убедит и не обескуражит. Я работал в газете и знаю, как ещё падки наши читатели на дешёвку. С этой точки зрения «Последняя встреча» – товар ходовой. Но есть закон в литературе и для всех закон, кто взял в руки перо: пиши в расчёте на самого умного и взыскательного читателя!

Вот и не забывай о нём. А меня извини за то, что я нашумел. Иначе не могу и не умею. Да и сам ты просил объективной оценки своих вещей. Не подумай, что я поучаю. Горький говаривал, что надо много знать, многому научиться, чтобы получить право не учить, а лишь осторожно подсказывать.

Поэтому считай моё письмо как дружеский разговор. Пиши настоящие вещи. Пусть в год один рассказ, но настоящий, и я с радостью прочту его и буду гордиться тем, что вот Иван колупнул так колупнул. Пусть клюют зёрнышки другие писаки. Их немало. Не гонись за ними. Не в этом счастье и творческая радость.

Ну, будь здоров. Привет семье. Обнимаю, Виктор

5 июля 1959 г.

Чусовой

(П. В. Чацкому)

Уважаемый Павел Васильевич!

Извините, что я не сразу ответил на Ваше письмо. Катался по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством.

По Каме и Волге я ездил первый раз и ревниво сравнивал их с Енисеем. Сам я сибиряк, родился близ Красноярска, неподалёку от того места, где сейчас строится Красноярская ГЭС. Конечно, «всяк кулик своё болото хвалит», но Енисей, несомненно, величественней и изумительный по красоте. Волге повезло прославителями и только. Это говорится без желания умалять в Ваших глазах Волгу. Всякому своя родина и милей, и краше.

Я буду рад переписываться с Вами, а затем и познакомимся лично. Иногда, изредка, правда, я бываю в Москве. И считаю, что часто там бывать не следует. Хотя Лев Никулин и уверяет, что житьё в Москве якобы возвышает людей культурно над периферийщиками, я всё же остаюсь ярым приверженцем «бескультурной», но и не обьевропеившейся, в худшем смысле того слова, периферии. Старый пердун он, этот Лев, если так позволяет себе думать о так называемой периферии. Она ему всё ещё кажется сирой Русью, какой была до отмены крепостного права.

Ни хрена-то он не знает, окромя литературных архивов, если занимается такими утверждениями. Он даже на семинаре-то не был, а пишет о нём тоном неоспоримого судьи. Я был на этом семинаре и убедился воочию, что молодые «культурные» москвичи, имеющие под боком первоклассные библиотеки, академиков, маститых писателей и т. п., ничего за душой не имеют, кроме цинизма, пошленьких анекдотов, литературных сплетен и беспрецедентного апломба. Они и научились-то только тому, чтобы плюнуть в руку, которая даёт им хлеб. Рабочий для них – быдло с жерновами вместо мозгов.

Ах, отрывка нового времени! И сивый Никулин возносит эту отрывку! Ведь не они дали рассказы-то на-гора во время работы семинара, а всё те же периферийщики, умеющие работать и не говорить красиво, не удивлять блестящими верхушками, нахватавшими повсюду.

Ну ладно, разбрюзжался я, как истерик.

А мне ещё 35 лет, и я считаю себя молодым, не в литературном смысле, разумеется. А то у нас слово «молодой» обязательно ставится рядом со словом «снисходительность».

Пишу я девятый год. До этого был самым распоследним «быдлом»: работал литейщиком, грузчиком, плотником, чистил помойки, выгружал вагоны, работал на сплаве. А до войны жил в детдоме, потом закончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярска.

В 42-м ушёл добровольцем в армию. Там мне кое-что подбили, в том числе и глаз. Составителем я уже не мог работать. Образование шесть классов, здоровье подорвано – вот я и мотался. А в 1951 году неожиданно для себя и для всех написал рассказ, который имел успех, и немалый, тут, на периферии. Потом написал много плохих рассказов, и они доселе лежат в столе. В 1953 году вышел мой первый сборник рассказов. Сейчас на моём счету шесть книжек. Одна из них большая и довольно слабая – это роман «Тают снега». Его, правда, хвалят. Были пяток рецензий, читательские конференции, но сам я хвалить его не могу. После того написал я две повести – «Перевал» и «Стародуб», продолжал работать над рассказами и очерками.

Повесть «Перевал» напечатана в № 5 журнала «Урал», и если у Вас сыщется время, прочтите – это моя любимая вещь. Нынче она выйдет отдельной книжкой в Свердловске, и я Вам её непременно пришлю. «Стародуб» с рассказами выходит на будущий год в Перми. Все эти вещи о Сибири, к Уралу я плохо прирастаю, хотя и написал на уральском материале роман и ряд рассказов.

Вот видите, какое Вам длиннющее письмо накатал. Может, Вас интересует что-либо – спрашивайте. Могу выслать нашу газету «Чусовской рабочий». Уровень её, конечно, низкий, но фактический материал бывает интересный. Сам я месяца на полтора уеду в творческую командировку в г. Игарку, где я жил в детдоме, и стану работать над второй частью «Перевала».

Вашу книгу «Лешегоны» я видел в магазине, но, к сожалению, не читал. Постараюсь прочесть, чтобы иметь представление о Вашем творчестве.

Город наш очень дымный, чёрный и неблагоустроенный, но стоит в очень живописных местах. Здесь сливаются три реки: Вильва впадает в Усьву, а Усьва – в Чусовую. Город в основном расположен на стрелке и за реками.

У нас большой металлургический завод, крупный железнодорожный узел. Богатый историей и промышленностью пригород. Здесь есть всё: алмазы, цемент, руда, уголь, лес, сельское хозяйство, ферросплавное производство, рыбалка, охота и многое, многое другое.

Сам я рыбак и ярый охотник. Много брожу. Леса здешние и округу знаю отлично. Все реки проплыл и обходил. Красота на них не поддаётся описанию. Так что я богатый человек. Темы и замыслы меня одолевают постоянно.

Никак не могу выбраться на ровную линию, чтобы работать над одной, двумя вещами. Вечно в работе ворох рукописей. Теперь Вам станет понятно, отчего меня не тянет часто в столицу. Иногда разве только встряхнуться и сплетен послушать – это тоже время от времени нужно, дабы нюх обострился и скушное житишко взвеселялось.

Кстати, Вы писали, что жили в Кирове. Из Кирова на семинаре был интересный и весьма культурный (как это ни покажется странным Никулину!) парень по фамилии Лубнин (его рассказ напечатали в № 2 «Нашего современника»). И вообще на семинаре было немало интересных ребят. Были, правда, и такие, коим следовало бы заниматься в литкружке при районной газете, ибо они ещё азов не знают.

Ну, Павел Васильевич, всего Вам доброго. Знаю, что почерк у меня ужасный и Вам придётся помучиться, но жена утатила на рынок и перепечатывать письмо некому. Сам я не печатаю. Уж не обессудьте, если я что и неладно сказал. Я стараюсь быть со всеми откровенным. Попадает мне за это, да ничего, терплю.

Дружески жму руку. В. Астафьев

1959 г.

Москва

(Жене и детям)

Маня и ребята, здравствуйте!

Получил рукопись и письмо. А вчера вам отправил тоже рукопись и письмо. Вчера же ходил по делам. В «Детгизе» редактор опять исчеркал «Дядю Кузю», опять надо много править. Насчёт путёвок я писал. С ними вроде бы всё в порядке, нужны деньги. А насчёт стипендии ты ослышалась – я её действительно получил, но лишь за 10 дней, когда посещал занятия⁵². Я купил тут книги из «ЖЗЛ» – «Рублёва», «Эдисона» и «Артёма». А «Стендаля» нет, если увидишь, купи. Я ещё купил «Сабанеева» – о рыбной ловле, так что Толстиков пусть не хвастается, есть теперь эта книга и у меня.

Погода гнусная – то дождь, то снег. Слякоть, одним словом. Ходили на просмотр фильма «Женщины». Коротко о нём не скажешь. Сегодня всем курсом пойдём в мастерскую скульптора Вучетича, должно быть интересно. На днях встречались со специалистом по кибернетике, и много удивительного.

⁵² с 1959 по 1961 г. Виктор Петрович по рекомендации Пермского отделения Союза писателей учился на Высших литературных курсах при Московском литературном институте им. М. Горького. – Сост.

...В «Молодой»⁵³ рассказ сдали в набор, а договор пока не подписали. Издательство пере-
трясает план изданий на будущий год. Хотя бы меня не выкинули, тогда уж будет дело. Ждать
осталось считанные дни. Встреча у скульптора Вучетича была очень полезной и интересной. За
«Перевал» ещё не принимался, после лекций не могу – болит голова, и пропускать занятия
нельзя – строгости, а в творческие дни занимаюсь редактурой.

Виктор

⁵³ здесь и далее в письмах имеется в виду издательство «Молодая гвардия». – Сост.

1960

Февраль 1960 г.

Москва

(Жене и детям)

Маня и ребята, здравствуйте!

Ну вот, я уже несколько дней в Москве и, как всегда по приезду, перемогаясь, всего ломает, боюсь, что грипп.

Дни эти были очень неорганизованны. Кроме института и «Детгиза» нигде пока не был. Вчера в «Детгизе» получил две тысячи рублей! И говорят, мол, ещё не всё, что пока вышел из печати первый тираж – сто тысяч, за него вот и выдали, остальные потом. Попытаюсь в воскресенье купить костюм. В институт сегодня не поехал, сажу долблю Шишкова. Фамилия моя меня опять подвела – первому нужно выступать с докладом, вот и готовлюсь.

Предположения мои насчёт общежития сбылись: запретили всё-таки приходить к нам – это и хорошо, и плохо. Хорошо, что меньше будут мешать работать, но плохо, что на тюрьму похоже. А запретили из-за одного дурака-студента: выбросился в окно с пятого этажа, протрезвел и пока живой, но на ладан дышит.

Справку Ирине для музыкальной школы пришлю – сегодня только вспомнил. Сейчас поеду в редакцию газеты «Литература и жизнь» отдавать рассказ «Эхо войны» и оттуда заеду в «Советский писатель».

Звонил в «Роман-газету». Редактор, который должен читать рукопись, заболел, и мне сказали, чтоб время от времени звонил, но разговаривали со мной любезно.

Из Свердловска вестей пока нет, что-то на финише они затоптались.

Между прочим, сегодня на скучной лекции я задумался, взял бумажку и стал вспоминать, сколько мы в нынешнем году получили и истребили денег, и был страшно поражён: около восьмидесяти тысяч! Каково?! Какая дорогая жизнь, ведь ничего крупного не покупали. Костюм-то себе я куплю. Но на ближайшее время получек не предвидится, а как вам без денег жить? Поэтому расходуйте деньги по необходимости, не особенно ударяясь в тряпье, но на еде не экономьте. И хватит занимать, а потом думать, чем и как рассчитаться. Я хочу поработать над тем, над чем хочется, и не ради денег. Машинку я тоже потом здесь куплю, это уж где-то перед самым новым годом.

...Вчера получил письмо из «Уральского следопыта» и от тебя – перепечатанную рукопись. Стихи Светозара Барченко мне понравились. Лучшими из них в редакции считают «Таёжный сруб» и напечатают его непременно, а остальные – будут смотреть. Они очень обрадовались, что я прислал им стихи, и просили поискать для них ещё рукописи. Ну что ж, поищу, только читать много придётся всяческой макулатуры.

Рассказ «Старый да малый» идёт во втором номере «Следопыта», просят что-нибудь ещё и настаивают, чтобы я сделал игарский материал. А я тут одну работу взвалил на себя – взялся переводить трагическую повесть одного кавказца – карачаевца. Повесть интересная, и мужик он хороший, не в пример другим чеченцам. Но взялся, наверное, зря, когда до своих дел руки не доходят. Вот отправлю в Башкирию рассказы и начну доделывать рассказ «Родная кровь», который теперь называется «Кровь человеческая», а потом стану доделывать «Дядю Кузю» и продолжать писать рассказы для «Зорькиной песни». Работы, работы! Когда возьмусь за повесть?

Будет экзамен скоро – надо почитать Л. Толстого.

...Вчера после длительного перерыва получил твоё письмо, и получил очень оригинально. Весь день я был на пленуме. Приехала целая шайка уральцев: из Перми трое и из Свердловска четверо. Протрепались допоздна. Домой приехал около двенадцати ночи. Мне говорят, мне письма были. Я цап-царап – нету. У нас иногда делают медвежью услугу: возьмут, чтоб отдать, да и забудут. Я вышел на середину коридора и закричал: «Паразиты! Кто взял письма? Отдайте!» Бесполезно. Тогда я закричал ещё громче: «Бляди! Кто взял письма? Отдайте!» Тут проснулся Мирза – мой сосед и спокойнѐхонько говорит: «Я бзял. Чего кричишь? Я тебя пят раз стучал. Тибы нету. На, биры свою письма».

Я так им обрадовался, что и наматерить его забыл. В одном конверте был договор из Перми. В другом твоё письмо. Теперь ты уж получила моё письмо и знаешь, когда выезжать и что нужно мне выслать деньги. Я уж тут всех обстрелял: по полсотне да по сотне.

Дела мои неважны. Болели ноги, а теперь руки, но всё бы ничего, но вот «Молодая гвардия», кажется, мне шило в жопу вставит. Наша бумажная промышленность не выполнила план, в издательстве бумаги нет, и оно сокращает сорок процентов изданий. Остаются только те, кто заключил договора и получил авансы, а нашего брата или на следующий год, или вовсе в мусор. Москвичи рыскают, нажимают на кнопки, а мне идти некуда. Даже редактор мой в командировке, как нарочно лешаи его унесли!

Ну ладно. Я и так не сплю и делать ничего не могу. Вчера похвалил меня в докладе Соболев, но даже и это не утешило. Пленум завтра заканчивает работу. С большим трудом достали билеты в Большой театр, на «Хованщину».

...Сегодня получил от вас письмо и рад, что у вас всё ничего.

Встречались с композитором Новиковым и с С. Смирновым, нынешним редактором «Литгазеты»... Разговора о газете не получилось, проговорили о героях Бреста. Новиков играл нам и ругался, потом Володя Харитонов, мой сосед, пел свои песни, написанные Новиковым. Мы подхватили. Новиков говорит: «В старое доброе время комсомольцы и всякие курсанты пели везде, даже на собраниях, хотя песен имели меньше. А сейчас заседают с умными лицами». Сам Новиков похож на Макарова, рожа у него не музыкальная, но дядька он обаятельный. Хорошие это были встречи.

Сегодня была лекция Мотылёвой. Чем дальше я её слушаю, тем больше обожаю. Ты знаешь, Маня, дух захватывает – так умно и здорово она читает о Толстом. Вроде бы всё давно известно, ан нет, Мотылёва заново открывает нам этого русака-гиганта! И как открывает! Чудо!

Уже есть вёрстка «Дождя» (тёплого), но редактор ложится на операцию – будут чинить ему ухо, значит, вёрстку с ним будем вычитывать позже, ибо к Новому году книга должна увидеть свет. Во темпы! Это значит, у меня одна за другой выйдут три книги. Тоже неплохо! «Перевал» ещё не прислали, жду со дня на день. В «Роман-газету» ещё не звонил. Узнавал окольно, но в отделах ничего не знают. Видимо, Ильенков просто положил рукопись в стол, потом вернёт её мне со своей кислой мордой, с какой и принял. Вот что значит быть автором неизвестным. В «Советском писателе» рукопись тоже ещё не прочитали.

А серию «ЖЗЛ» покупай всю и читай – это интересное чтение. Я купил Хемингуэя и Ремарка. А «Следопыт» обязательно выпиши...

И вот ещё что: возьми моё коричневое пальто и серый пиджак, зашей и отправь в Игарку, Анатолию Петровичу Астафьеву. Думаю, объяснять тебе ничего не надо. Отцу деньги тоже вышли. Спасибо за газету.

Целую, Виктор

15 августа 1960 г.

Москва

(В. М. Бахметьеву)

Глубокоуважаемый Владимир Матвеевич!

Долго ждал я подписки на собрание сочинений Вячеслава Шишкова. Наконец, сегодня моя давняя мечта осуществилась – я оформил подписку. Оформил и тут же решил написать в «Гослитиздат», нет, не благодарственное письмо, а давно наболевший вопрос, почему в наших издательствах, у наших литературных властей такое отношение к замечательному писателю, в ряд с которым можно поставить только одного-двух советских писателей? Почему после долголетних обещаний «Гослитиздат» решил «удивить» читателей восьмитомником? Это же, по существу, повторение посмертного издания избранных произведений Шишкова, с той только разницей, что там было уложено всё в шесть томов.

Вам-то хорошо известно, что ещё при жизни Шишкова издавалось двенадцать томов его сочинений – это, если мне память не изменяет, ещё до написания им «Угрюм-реки» и «Пугачёва». Так неужели же сейчас нельзя было сделать хотя бы двенадцатитомник? Снова не включён в издание роман «Ватага», снова нет ряда малоизвестных произведений Вячеслава Шишкова. Читатели снова должны верить на слово, что «Ватага»-де ошибочное произведение, что и в ряде других произведений Шишков ошибался и т. д.

Было время, когда у нас всё творчество Достоевского считалось ошибочным, узнавать Сергея Есенина людей вынуждали подпольно, по альбомчикам и блатным песням, а за книгу Джона Рида сажали в тюрьму. И вот до сих пор ещё живы кое у кого эти тенденции, и они не доверяют читателям, боятся, что те не разберутся в ошибках и срывах того или иного писателя.

И вот слабые, в сравнении с другими произведениями, написанные в спешке, пусть нужные в своё время военные рассказы Шишкова печатаются без конца, включаются во все издания, а многое из творчества писателя замалчивается, утаивается от читателей. Мне, человеку, воспитавшемуся на книгах Шишкова, безмерно любящему этого силача в русском языке, великого выдумщика и недостижимого мастера в изображении людей, больно и обидно за покойного писателя, которого и при жизни-то замалчивали да поругивали время от времени.

Да и как не будет больно, если на втором съезде писателей Шишкова упомянули один раз! Упомянул его Натан Рыбак в своём выступлении. А на съезде российских писателей, где я присутствовал, его этак, мимоходом, хвалили за «Емельяна Пугачёва». Диво дивное! На этих же съездах воскурялся фимиам до небес таким писателям, которые и сами-то себя никогда не решатся поставить вровень с Шишковым.

Когда-то в письме к Вам Вячеслав Яковлевич сетовал на то, что у критиков он не в чести, зато радует внимание и интерес читателей к его произведениям и что, в конечном счёте, это для писателя главное.

Да, это так, писатель пишет для того, чтобы его читали. И Шишкова читают, да ещё как! Все последние издания «Угрюм-реки», а их было довольно много, в нашей районной библиотеке постоянно на руках. А тут народ в основном трудовой живёт и если уж что читает, так, значит, это действительно интересно. Пустяки тут не любят читать. И всё-таки знают Шишкова больше как автора «Угрюм-реки». Слов нет, это книга книг, и я уверен, что ещё придут такие времена, когда по ней будут изучать историю русского капитализма, но не должно так быть, чтобы знали у нас Шишкова только наполовину. Писатель этот достоин того, чтобы его знали лучше, читали больше.

Вот поэтому-то я и не написал в «Гослитиздат», а Вам. Надеюсь, что Вы принимаете участие в подготовке подписного издания и, возможно, сумеете как-то воздействовать на издательские власти и увеличить объём издания. Это крайне необходимо, на мой взгляд. Ведь даже многие из наших литераторов думают так, что Шишков и написал лишь то, что издаётся.

Я вот учусь на Высших литературных курсах и делал доклад на уроках по теории литературы о творчестве Шишкова, видел, как люди удивлялись, слушая о жизни и творчестве этого

исключительно даровитого писателя и широкодушного человека. А ведь я рассказывал-то о Шишкове литераторам! Да и пользовался-то я теми скудными материалами, которые есть в библиотеках и которые, в общем-то, лишь повторяют Вашу книжку о Шишкове.

Больше хочется знать об этом прекрасном писателе, больше и шире читать его. Шишков заслужил своим творчеством и своей жизнью заботливое, любовное внимание к себе, а о нём пишут лишь в дни юбилея его друзья, которых остаётся всё меньше и меньше.

Извините, Владимир Матвеевич, за длинное письмо и за некоторую сумбурность. Дойдёт ли моя просьба до издательских властей – не знаю, но пусть хоть Вам будет известно, что у Вашего покойного друга есть искренне любящий его поклонник, который восхищается его творчеством и не устаёт у него учиться трудному литературному делу.

С глубоким уважением, Астафьев

1960 г.

Москва

(Жене и детям)

Дорогая Маня и астафьята, здравствуйте!

Я очухался и вчера был в «Молодой», купил журнал с повестью⁵⁴. Повесть прилизали не так уж и безобразно, как я ожидал. Там же узнал печальную весть. Умер Панфёров. Уважал я его, и жаль его мне страшно. Завтра все пойдут прощаться с ним.

Купил две книжки из «ЖЗЛ» – «Улугбек» и «Полководцы Гражданской войны». Тут опытные люди мне очень посоветовали есть больше винограда и лимонов, чтобы укреплять сердце, что я сегодня и сделал и делюсь опытом с тобой. Купил хорошую книгу – «Фауста» в переводе Пастернака. А «Желябова» в продаже нет, увидишь – купи.

Береги себя, Маня, особенно своё сердце. Ни о чём не думай и не волнуйся. Ты для всех нас слишком дорога, поэтому щади себя как только возможно.

Обсуждение моего рассказа назначено на 15 сентября, а в «Урале» ставят его в 12-й номер, но просят доделать конец⁵⁵. Пока я это сделать не в состоянии. Примусь уж после обсуждения. По телевизору смотрел матч «Локомотив» – «Динамо». «Паровоз» расколотил «Динамо» начисто – 4:1! Из четырёх мячей три забил мой любимец Бубулин, да мячи-то такие, что Яшин только глянуть на них мог, а взять было невозможно.

...Ездил в Литфонд, чтоб уплатить деньги за путёвки, но у меня их пока не приняли. 16-го будет правление Литфонда, и там решат вопрос о скидке стоимости путёвки. Если бы скинули, было бы хорошо.

В «Молодой» пока ничего не решилось, ждём-пождём. Приезжал ко мне Юрка Сбитнев, выпили малость. Вечером смотрели «Иванова» в исполнении артистов Малого театра. Снова убедился в том, что наши зрители видят на экране самодеятельность и настоящих актёров не знают. Пьеса-то хлипкая, и люди как все у Чехова – хлипкие. В этом спектакле не симпатичный доктор, а Царёв, Велихов, Жаров, Светловидов играют удивительно. Просто потрясающе! А как стал играть Жаров, которого я не любил по кино за болтовню.

О покупке – ты пишешь, что купили холодильник. Не ко времени у нас покупки случаются! Я хожу с мокрыми ногами, не могу купить туфли, думаю, вдруг не хватит денег за путёвки. Когда будете собираться, прихватите по пятку книг «Зорькиной песни» и «Стародуба». На бокс сходили. Зрелище это пробуждает в человеке зверя, низменные, жестокие его инстинкты. Люди кричат: «Добивай!» Кровь с лица не дают утереть. Бьют так, что брызги во

⁵⁴ журнал «Молодая гвардия» № 9, 1960, с повестью «Звездопад». – Сост.

⁵⁵ «Дикий лук». – Сост.

все стороны! Московские психопаты и смотрят, и визжат с горящими глазами, аж судороги их берут! Я бы запретил глядеть на такое женщинам и весь этот бокс в наш нервный век. Зрелище это адски-захватывающее, жестокое, бесчеловечное. А тут ещё наши с немцами, чувство такое, что сходятся уж не спортсмены со спортсменами, а враги. Наш три раунда лупил немца, а тот уж шатается, но всё лезет в драку, характер показывает... Избиение да и только.

...Дела обстоят так: стоит вопрос о снятии Твардовского с поста, но редакция жива, работает. Был у Берзер. Сказала, что повесть мою хочет прочесть новый зав. отделом прозы, и потом она будет читать вторично, с карандашом, и мы начнём совместную работу. А пока вычитываю рукопись. Рассказы отнёс в «Литературную Россию» и в «Огонёк». В «Сельской молодёжи» меня обрадовали только что вышедшим томом приложения, где и я. Тут же написали договор и сделали расчёт. Книжку мою на днях подписали в печать – мучила цензура. Сняли рассказ «Горсть спелых вишен» и заставили сделать «Два солдата» по журнальному тексту. Обстановка в «Литературной России» жуткая.

Вышло около пяти листов, по 300 рублей за новое и сколько-то за старое. А там старого – повесть, то и получилось рублей около 800. Небогато, но всё же. Деньги я велел перевести в Пермь, на мой счёт, а за рассказ просил оставить здесь, и мне их выдадут только в конце месяца. Но я пока живу, в крайности, перехвачу у кого на недельку. Пока не забыл – идёт подписка. Ты сходи в Союз и заплати деньги: «Новый мир», «Наш современник», «Вокруг света» и «Наука и жизнь». Из газет: «Литературная Россия», «Комсомолка», «Футбол», и этого хватит с лихвой. Сходи на базар, купи груш, моркови и картошки. В понедельник, наверное, побываю в Хотьково. А во вторник – в редакциях, насчёт рассказов станет ясно. Рецензия на Носова в наборе. Вычитываю рукопись. Никого нет. Хорошо.

...В Москве я, наверное, задержусь. Повесть в «Знамени» пока прочитал только Макаров. Он «за», но он ничего не решает, как не решает и следующий чтец Козлов, а начальства нет, оно занято. Все советуют подождать чего-нибудь определённого и тогда уезжать. Я так и сделаю. Пока заплатил за комнату в общежитии до 1 декабря, дальше будет видно. С режиссёром писать некогда, набросок сценария буду делать сам, дома. Сейчас иду с рассказами в издательство «Советская Россия». На воскресенье, возможно, уеду в Калугу, чтоб здесь зря не болтаться и не попасть в объятия пьяных студентов.

Один экземпляр рукописи пока передал одному из редакторов «Роман-газеты».
А как ты? Ребята, помогайте матери.

...Только что вернулся из института – сдавал иностранную литературу. Говорил о Ремарке. Сдал на пятёрку. После этого заехал в «Молодую гвардию» и имел беседу с В. Фёдоровым. Он меня удивил, вернее, его разговоры о моём «Звездопаде». Тут он совсем не тот Фёдоров, который нам известен по поэмам «Проданная Венера» и «Белая роща». Я вынужден был забрать повесть из редакции, ибо если только сделать так, как того хочет Фёдоров, то я перестану уважать себя, а он (в душе), вероятно, меня. Очень, очень казённое, очень перестраховочное и совершенно не литературское отношение с его стороны оказалось. Диву даёшься, как чины портят людей!

Ну а настроение, прямо скажу, препаршивое. И не потому только, что с повестью так получилось (в ней-то я совершенно уверен), а просто по-человечески обидно, когда рушится идеал на глазах... А я ведь ещё не совсем потерял веру в такую старинную штуку, как идеал. Сейчас буду править рукопись, отдам затем на перепечатку и отнесу Дементьеву в «Новый мир», после чего, если она там не «покажется», вынужден буду ехать дня на два-три в «Неву» к Эльмару Грину, по совету Ивана Падерина, который остался при своём мнении и очень хочет, чтобы повесть увидела свет. Сейчас у меня на столе гранки, которые я должен вернуть после-

завтра в редакцию, ибо мне велели «подумать». А думать-то, собственно, нечего, да и некогда – экзамены и ещё «Дядя Кузя» на столе, который почти вперёд не продвигается.

Я рад, что вы хорошо отдыхаете. А я устал. Устал от дум, от повести. Хочу в лес. Очень плохо мне сегодня. Ну да ладно. Такова писательская жизнь, таков наш хлеб, проклятый всеми писателями, которые зарабатывают его честно.

Целую вас. Виктор

1961

1961 г.

Москва

(Жене)

Маня!

Получил от вас письмо с газетной вырезкой.

Я отболел гриппом. Вот только первый день был на занятиях. Получил приглашение от Нины Михайловны⁵⁶ в числе ещё нескольких побывать у неё дома. Этой чести у нас удостаиваются немногие. Человек она чрезвычайно интересный, и у неё имеется редкостная коллекция иконографических работ.

Деньги лежат на книжке и будут ждать твоего приезда, чтобы с пользой их израсходовали. С трудом и не всегда успешно отбиваюсь от занимателей. Раздал уже порядочно, как-то буду собирать!

Сегодня познакомился с художником – хорошим парнем. Обещает хорошо оформить книгу. Вечером двинем в клуб литераторов на празднование 30-летия журнала «Знамя». А на «Мёртвые души» сходить не получилось – был у нас солдатский вечер в общежитии, читали стихи, вспоминали, пели фронтовые песни. Было больше грустно, чем весело.

Накупил уйму пластинок. И сейчас звучит, что бы ты думала? Ария! Да, да, ария Кавардосси, и поёт, кто бы ты думала? Марио Ланца. И я счастлив! Как много и немного нужно человеку для счастья! Купил и «Чио-чио-сан»... Все наши любимые вещи. А «Мёртвые души», говорят, восхитительны. Но не всё потеряно. Следующий спектакль через неделю, приедешь, сходим в театр непременно. Ещё обязательно постараемся посмотреть «Первый день свободы».

Хорошо, что ты съездила в Пермь, встряхнулась и всё узнала. Лёва тебя понял совершенно правильно. «Квартира будет», «Всё в порядке», – это ведь пока только слова и ничего конкретного. Когда, что и где – вот главное. Ну, теперь уж всё равно, поди-ка, дадут. Желательно, чтобы скорее.

...Сегодня выслал в Пермь отредактированный «Звездопад» и подписанный договор на него. В «Молодую» рассказ тоже наладил, и завтра его сдадут в набор. Очерк доделал и прошу, как сможешь, скорей его напечатай. Съездил в Литфонд, дал заявки на путёвки. Поедем в Ригу. 30-го нужно уже выезжать из Москвы, чтобы 31-го быть на новогодней ёлке в доме творчества. Значит, из дома вам надо выезжать 27—28 числа. Деньги мне нужно нести за путевки 10—15 декабря, значит, к тому времени переведи мне 4500 рублей, а на остальные пока живите. Прислали ли те 2800 рублей, что обещали из Перми, а то ведь вам и жить не на что станет. Я напишу в Пермь письмо и попрошу об этом, а там, даст Бог, получите из «Мурзилки», потом из «Урала», словом, поживёте.

Завтра иду в «Детгиз» добивать с редактором «Дядю Кузю», вечером пойдём на просмотр фильма «Жемчужина» – это по изумительной повести Стейнбека. Завтра же пойду в издательство «Молодая гвардия» за договором, надеюсь, его уже подписали, задержка была за директором.

Ребята, я получил ваше письмо. Рад, что хорошо учитесь. Так и надо. Иринушка, я помню о том, что тебе нужна готовальня, но у меня пока нет денег. Приедете, и всё купим. Будь умницей и не порти маме нервы. Я постараюсь до нового года свернуть все свои дела, и мы все вместе будем хорошо отдыхать и часто ездить в Ригу, до неё от дома творчества 20 минут езды.

⁵⁶ речь идёт о преподавателе литинститута. – Сост.

...Сегодня, после длительного перерыва, я получил от вас письмо и рукопись. Это очень хорошо, а то я уж начал беспокоиться. Не знаю, почему вы не получаете от меня письма. Я написал письмо, как прилетел, и оттого не давал телеграмму. Сегодня я купил посылочный ящичек, положил в него туфли, лекарства и яблок, добавлю яблок или свежих огурцов, тогда и отправлю.

Сегодня я весь день писал, на лекции не ездил. Рассказ⁵⁷ получается листа на два с половиной – в нём вся послевоенная и военная жизнь моего поколения. Это моя кровь, а не рассказ. Пишу и чуть не плачу – видать, нервы стали никуда не годные. Вот сейчас чуть не заревел над письмом дочери Моти Савинцева. Ах, сколько же вынес наш бедный и великий народ! Надо бы мне на неделю отключиться, чтобы вчерне выложить рассказ на бумагу, но нельзя – строгости. А это значит, я буду больше мучиться и психовать, а сон у меня и без того расстроился, и весь я не в себе. Во время такой дикой, захватывающей работы не хватает тебя и дома. Хотя вы иной раз и мешаете, но привычка есть привычка.

А рассказ этот – начало какого-то второго этапа в моём творчестве. Есть в нём что-то и старое, но много и такого, что отличает его от прошлых вещей. Многие друзья не узнают меня в этой вещи. Ну да сама увидишь. Я, наверное, ничего путного тебе не написал. Я весь живу в рассказе и думать способен только о нём.

Пиши почаще и не обижайся, если какое-то время я не смогу писать вам письма.

...Сегодня пришли письма от тебя и от ребят.

Насчёт Коли – я, конечно, ошеломлён⁵⁸. У него вроде вот-вот должен быть ребёнок, может, уж есть. Но ведь на охоте он ещё дурнее меня, лезет куда надо и не надо... Вот беда так уж беда! Хоть бы оправился.

Ты сделай вот что: отправь рублей пятьдесят в Игарку по адресу: ул. Лесная, 2, Астафьеву Николаю Петровичу, и рублей десять-пятнадцать отправь бабушке по адресу: Красноярск, слобода Весны, 7-я Продольная, 8, кв. 2, Астафьевой Марии Егоровне; и отцу рублей двадцать – двадцать пять. Лететь в Игарку отцу не след, чтобы не было мирового скандала и драки, ибо с горя остальные ребята могут ему и наподдавать. Пусть лучше уж не проявляет запоздалой заботы, а напишет письмо или чем-нибудь поможет, и всё.

Ну и дурной охотник! Ох и дурной! Вон куда забрался! И чего ему там надо было? Работал шофёром, так вот понадобилось, а на работе не работалось... Не хватает всё-таки отца-то доброго. Самоуправством все живут. Вот чёрт! Ну ладно, что сделаешь.

Дела мои всё лучше и лучше. Сплю хорошо, брюхо растёт, как на опаре, зато голова болит меньше. Много хожу, и, видимо, от этого выступила крапивница. Погода так себе, то дождь, то снег, то солнце. Новостей нет.

...Вчера я послал вам письмо, в котором роптал, что «Звездопад» куда-то запропастился. А после занятий начались сплошные радости. Я получил стипендию и купил, что бы ты думала?! – купил подснежников, фиолетовых, у которых в чашечки будто угольки положены! Сейчас стоят в вазочке на столе. В общежитии меня ждал «Звездопад»! Я собрал ребят и начал им читать. В это время приносят мне письмо и пакет. Открываю: а там моя книжка «Стародуб». Это Борис Никандрович⁵⁹ лично послал мне один экземпляр, может, даже сигнальный. Я посмотрел и ахнул – так здорово получилась книжка. Красивая, аккуратная, культурная! Есть ещё синонимы? Хватит. А то избалую издательство. Это моя пока лучшая по оформлению

⁵⁷ речь идёт о повести «Звездопад», которая первоначально писалась автором как рассказ. – Сост.

⁵⁸ речь идёт о сводном брате В. П. Астафьева из Игарки Н. П. Астафьеве. – Сост.

⁵⁹ Назаровский. – Сост.

книжка. Сейчас и напишу Борису Никандровичу, что лучшего подарка к дню моего рождения нельзя было и придумать!

Сегодня начну править «Звездопад», но уж после того, как съезжу в магазин и куплю машинку.

...Закончил правку «Звездопада» и отвёз на машинку. Зав. отделом прозы журнала «Молодая гвардия», прочитав мой «Перевал», пришёл в восторг и просит во что бы то ни стало «Звездопад». После праздника отвезу. В шестом номере «Октября» дают рецензию на меня. Она уже ушла в набор.

Получил письмо от Б. Н. Назаровского. «Зорькину песню» они сдали в набор, убравши рассказ «Компания» – он им не понравился. За неё и деньги, те восемь тысяч, а за «Стародуб» потом. «Тают снега» к переизданию утвердили. Думают о том, как издать книгу массовым тиражом – 75 тысяч.

Борис Никандрович написал статью в «Звезду» о «Перевале» и «Стародубе». Пошли мне её. Я ожидаю от него разумных и толковых мыслей. До 10-го я, наверное, буду в поездке, если не удастся отложить её на вторую половину мая. Поездка предстоит в Серпухов с бригадой писателей. Погода похолодала, уже не топят, сплю под одеялом и пальто. Машинку ещё не купил – нет подходящих, а деньги опять расплываются. Беда. Ты, когда соберёшься ехать, возьми с собой аккредитив с запасом, а то без денег далеко не упрыгаешь. Ну и всё.

...Маня, я сегодня получил письмо, в котором ты сообщила, что заболел Андрей. Что с ним? Поправился ли? Если это грипп да без осложнений, то ничего. Как мне жалко парня, прямо беда. А я сегодня видел во сне, что лодку стащили и ребята горюют по этому поводу. Что-то со смыслом сон-то получился.

Ну вот, Маня, получил я деньги из журнала. Как началось паскудно, так и кончилось. В редакции на номер не хватило денег, и мне начислили сначала 5100, а потом срезали до 4500. И получил я на руки чуть больше четырёх. Теперь я положу на них с прибором за такое отношение. Повесть поуродовали, да ещё так заплатили... Утешает одно: деньги эти я употребил на дело: вчера прямо из издательства я поехал в магазин и купил дорожку. Выбор был большой, но у меня разбежались глаза. Но дело было к вечеру, и дорожка оставалась уже кусками. Я купил остаток в 3 м 25 см за 910 рублей. Был кусок 3 м 40 см, но я остановился на этом – очень понравился орнамент. А сегодня вот только что купил машинку. Выбор тоже был большой. Мне больше других понравилась «Оптимa». И мастера, и продавцы тоже советовали покупать её. Отдал 2000 рублей. Она более громоздка и тяжела против других, но зато очень мягко печатает – только пальцы положишь – и всё, кроме того, она – вечная. Говорят, эта марка лучшая в мире. А старую нашу машинку мы оставим на тот случай, если куда на лето будем уезжать, так чтобы не таскать её за собой.

Вот видишь, какие новости! Машинка-то уж больно хороша! Солидная, изящная и очень удобная. На ней можно печатать и таблицы, и всякую муру. А фрукты покупай. Я как-нибудь и на них заработаю, а как она, жизнь, пойдёт дальше, чёрт знает. Хоть сейчас поешьте.

...Деньги от вас вчера получил и ещё бандероль. Спасибо за то и за другое, особенно за деньги. Вы тяните как-нибудь, чтоб и на дорогу вам осталось. А уральцы пообещали послать мне гонорар сюда за рассказ. А «Дядьку Орла» я отвёз в «Литературу и жизнь». Сказали, что герой не магистральный, но вроде собираются печатать. Ещё просили меня, чтоб я куда-нибудь съездил и написал бы очерк в новогодний номер. Я пока согласия не дал, потому что есть ещё дела.

Пятнадцатого буду выступать в университете. Вчера после окончания пленума мы ужинали в ресторане, меня просквозило, и на занятие сегодня не пошёл – болит горло. На улице сыкло и холодно, когда уж это кончится? После молодогвардейских неурядиц пытаюсь рабо-

тать – начал писать рассказ. Идёт пока плохо. Вчера со мной разговаривала детгизовская редакторша насчёт «Перевала». Если окончательно сорвётся в «Молодой», попробую работать с ними.

Тринадцатого последний экзамен. У меня один хвост – по философии, и если я его аннулирую, то сразу же и уеду. Дам вам телеграмму, чтоб встретили – машинка, да манаток набирается. Сегодня купил Ирине плащ и у букиниста 4-томник Писарева. Кроме беготни занимался «Диким луком». Буду заканчивать «Тёплый дождь». Замыслов много. Старьё надоело, хочется писать новое.

...Я уж с неделю, однако, не писал тебе, закрутился. Нервотрёпка с книгой не кончилась. В главной редакции вырубili два рассказа: «Живую душу» и «Дикий лук». Осталось четыре, и потому раздел «Рассказы» оказался куцым привеском к повестям. Я отбиваю «Дикий лук», но требуют большой переработки, а я так уж износился за время, что вроде уж и не годен на серьёзную работу, сердце колет и колет, и воздуха не хватает. Книжка, по всей видимости, так и останется на 16 листов. Сейчас она у корректоров, и досылom можно бы сделать «Дикий лук».

Завтра выступаю в Доме искусств, это где мы смотрели выставку Кончаловского.

Настала последняя неделя занятий, потом экзамены, и домой. Всё надоело. Два дня кряду навещали меня Черненко и Альберт Яковлев из Свердловска.

Меня выбрали в состав актива журнала «Молодая гвардия», значит, предстоит ещё и рукописи читать.

Новеллы мои сдают в набор, но без «Лошади», в восьмой номер «Урала». Как Ирина? Бойтесь гриппа – такой страшный грипп ходит, с ног валит, спасу нет.

Что слышно о квартире? Переехать бы сразу⁶⁰. Придётся месяца на два-три пригласить к себе бабушку погостить⁶¹. У них что-то вовсе разладилось в семье, и ей некоторое время надо пожить в отдельности. Характерец-то у неё тот ещё, наверное, всё с этого и началось. Но это уж после того, как переедем. Да и нужна она мне будет очень в связи с работой над первой частью романа. Память у неё завидная, и она сможет многое мне порассказывать.

...Побывал в журнале «Октябрь». В редакции читают «Перевал» и просят для публикации новые вещи. Со мной беседовал редактор, и очень любезно. Говорил и о статье, которая ему понравилась. Он ещё сказал, что я зря на курсы поехал. Надо, говорит, писать – тут тебе и учёба. Мужик он, конечно, с загибами, но на меня произвёл очень хорошее впечатление. В пятом номере они дают рецензию на «Перевал», довольно объёмную и хвалебную. Вернувшись из «Октября», я основательно слёг.

Вчера по телевизору показывали фильм «Баллада о солдате». Затем была беседа с постановщиками и участниками фильма. Чухрай – очень красивый и умный мужик. А Володя Иванов и его напарница Жанна Прохоренко! Володя в рубашке без галстука, застёгнутый на все пуговицы, как школьник, угловатый. Урбанский тоже был. Он – мужчина представительный.

...С книгой всё решилось благополучно. Оформляет книжку художник Сергей Куприянов. Будет цветной форзац, будет по три иллюстрации к повестям и заставки (по одной) к рассказам.

Здоровье хорошее, толстею не по дням, по часам. Дочитал роман И. Падерина. Слабый роман. Я, как всегда, прямо и грубовато покритиковал его, он обиделся и чуть было не впал в истерику. Я думал, он умнее.

⁶⁰ речь идёт о получении квартиры в Перми и предстоящем переезде. – Сост.

⁶¹ М. Е. Астафьева из с. Овсянка под Красноярском. – Сост.

Есть слух, что наши курсы преобразуются в трёхгодичную академию, и, кажется, на новый учебный год не будут набирать новый состав курсантов. Рассказ «Две матери» я переименовал, и теперь он называется «Кавказец». Абдулжалилов⁶² хочет перевести его на свой язык. Сегодня пойду в «Знамя» и узнаю о судьбе рассказов.

...Пишу вам, пожалуй, последнее письмо. Вчера я относил гранки в «Молодую гвардию», чтобы раскланяться и уйти, но тут меня схватили и потащили к главному, он беседовал со мной долго и толково. Замечания его были направлены на то, чтобы вещь была цельной и ещё более художественной. Я не мог не согласиться с его замечаниями и советами. После этого меня познакомили с художником, который делает рисунки к повести. С ним мы уехали домой, и там я пробыл до полночи. Очень интересный человек и талантливый художник. Пока я беседовал с его женой, он пастелью набросал мой портрет, по-моему, сильно схватил моё теперешнее настроение. Потом я приехал домой, долго ворочался, не выдержал и взялся за «Звездопад». Написал страшный кусок и боюсь, он вовсе испугает молодогвардейцев. Завтра утром должен идти с доработанной повестью в редакцию. Но я ещё не спал ни минуты, а осталось семь гранок, попробую сейчас лечь и утром рано встать. Пятого экзамен по философии – не читал ни строчки из-за срочных дел. Как буду сдавать – не знаю. Ну да ничего.

Сегодня был у редактора и отвёз ему больше половины исправленного «Дяди Кузи», остальное привёз и надо доделать к четвергу. В «Детгизе» мне ещё всучили рукопись на рецензию, отказаться было нельзя – это из той самой редакции, которая издавала «Тёплый дождь».

Денег мне не шлют ниоткуда. Беда. Иринка мне не пишет, видать, считает, что писать мне необязательно. Таковы дети! Что будет дальше?

Виктор

⁶² сокурсник В. Астафьева по Высшим литературным курсам. – Сост.

1962

9 июня 1962 г.

(А. М. Борщаговскому)

Уважаемый Александр Михайлович!

Не знаю, принято или нет благодарить критиков за рецензию, но мне очень захотелось это сделать после прочтения Вашей статьи о моей книге.

Я не так уже молод по годам и по творческому стажу (мне 38 лет, из них 10 я работаю в литературе), но ещё ни разу мне не доводилось прочесть о моих вещах столь заинтересованные и добрые слова. Не отписку, не «отклик», а именно заинтересованную статью. Вы написали, пытаясь дружески помочь автору, не избалованному вниманием, разобраться в своей писанине и в самом себе.

Конечно, с чем-то я и не согласен в Вашей статье, кое-что и сам «нащупал» и мог бы раскритиковать некоторые свои вещи шибче Вас, но не это главное, главное, что Вы читали мою книгу не равнодушно, и это дорого мне больше всего.

Спасибо Вам за добрые слова и за внимание! Желаю Вам здоровья и творческих радостей, которые не так уж часты в нашей жизни, и эти слова, слова благодарности написаны в минуты настоящей радости.

Всего Вам доброго! С приветом, В. Астафьев

29 октября 1962 г.

(А. Н. Макарову)

Уважаемый Александр Николаевич!

Наше эпистолярное знакомство началось с довольно-таки чудных странностей. Книжку Вам отправляла моя жена. Сам я спешно уехал на север Урала и забрался к чёрту на кулички. Аж на Кваркуш – это одна из самых больших вершин Урала, и там, на склоне его, находятся изумительные альпийские луга. Проездом был и в Березниках. Это сейчас большой, красивый и самый зелёный город в нашей области. В нём есть даже телецентр, сами понимаете, построен он не только для развлечения трудящихся.

Когда я вернулся чуть живой из похода, посмотрел на квитанции почтовые и ахнул. На одной квитанции стояло вместо «Макаров» – «Марков», такая малюсенькая опечатка, а так как я всех наших Марковых не очень люблю, мне было вдвойне не по себе.

Вскоре из Чусового я уехал (мне наконец-то дали квартиру в Перми) и так и решил, что книжка затерялась.

Письмо Ваше пришло давно, а в моём прошлом жилище поселились татары, которые на это дело смотрят с философским спокойствием: получит или не получит человек письмо, от этого, мол, в мире ничего не изменится.

И вот лишь вчера письмо Ваше мне привезли. Такая вот прелюдия!

Спасибо Вам за добрые слова. Сейчас я пишу повесть о детдомовцах⁶³. Годы сложные – 37-й в основном. Хочется написать правду, а правда тех времён страшная. Особенно страшна она была для детей, которые совершенно не понимали, что происходит, и, лишившись родителей, кричали: «спасибо любимому...» В общем, не хочется писать о сиротах так, как было писано в книжках с заголовками: «В родной семье», «Одной семьёй» и т. д. А так, как хочется, не очень-то получается, вот потому, наверное, мне и показалось, что Вы меня перехваливаете.

⁶³ речь идёт о повести «Кража». – Сост.

Но похвала ко времени – это для россиянина как яичко к Христову дню, и Вы приободрили меня здорово. Поднатужусь и, глядишь, одолею эту повесть, которой болею давно и которую охота написать хоть немного лучше предыдущих. Тем более что книжка «Звездопад» уже отошла в прошлое, живёт отдельно от меня, и многое в ней кажется наивным.

Попутно с «серьёзными» вещами я всегда пишу маленькие вещи о природе, вроде стихотворений в прозе – это для отработки слова, интонации, для тренировки глаза и памяти. Набралось их порядочно. Я собрал их в книжку и издал её в Свердловске под названием «След человека». Книжку мило издали, и я Вам её потом привезу или пришлю. Мне прислали анкету на совещание молодых. Если утвердят – приеду. Я говорю «если», потому что молодым уже не могу себя считать – мне 38 лет.

Буду рад познакомиться с Вами и, если Вы любите деревню, пригласить Вас когда-нибудь порыбачить в полунищее село за Камским морем, где я купил себе хату и бываю там, когда время позволяет. Картины там, правда, более грустные, чем в наших книжках. Всё заросло репьем и быльём, как в рассказах Бунина, только не было у него слов: «колхоз», «бригада» и плаката, написанного на старых газетах: «Мы за мир!» Это, так сказать, «приметы нового». Ну, да бог с ними, с такими мыслями, иногда от них и устаёшь. Ещё раз спасибо Вам за письмо и за тёплые слова.

Желаю Вам доброго здоровья и крепко жму руку. Ваш В. Астафьев

1962 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Спасибо Вам за доброе письмо. Оно пришлось как-то здорово кстати. Навалилась меланхолия, и не писалось, а всё только думалось. Может, виной тому были события в маленькой далёкой стране, которой, как пешкой, решили сыграть сильные мира сего. И слава богу, что не «принесли её в жертву», как писала одна датчанка потом в газете «Известия». И без того слишком уж много было жертв на нашей памяти только.

Вышла моя книжка⁶⁴, та, о которой я Вам писал. Раз Вы человек деревенский и любите природу, я и дарю Вам её на память. Затоскуете зимой в городе и полистаете вторую часть её, и может, она окажется хоть маленьким свиданием с простыми человеческими радостями, которые приносит нам природа. Она в этом деле безотказна и почти никогда не приносит горя. Возблагодарим её за это!

Вещи в сборнике собраны за много лет и потому неравноценны, но я шлю Вам книжку для дружеского прочтения и надеюсь, Вы будете снисходительны к моим, может быть, излишним восторгам и моему трепету перед каждым кустиком и зарёю, которые сплошь и рядом в книжке и, наверное, станут утомлять и даже раздражать. А может быть, и нет? Книжка-то моя, и судить мне о ней трудно. Словом, мне хотелось, чтобы она рождала в человеке только светлые чувства, хотя есть там вещи и шибко пессимистичные.

Повесть пишу. Туго, но продвигаюсь вперёд, авось и получится что. Пока судить не берусь. Таких сложных вещей ещё не писал.

Прочитал «Зиму тревоги нашей». Стейнбека я любил и раньше, за «Гроздья гнева» и в особенности за «Жемчужину», а теперь просто боготворю его. Вот ведь как «просто» умеет писать человек! И это ещё перевод, а как, поди, здорово в оригинале!

Да, после таких книг почешешь, почешешь думалку и начинаешь листать написанное и вдруг убеждаешься в собственном убожестве. Коварные эти мужики, мастера-то, нет-нет да и вышибут из седла самоуспокоенности, шпыняют под бока, гляди, мол, как надо писать-то. Ну,

⁶⁴ сборник рассказов «След человека» в Свердловском книжном издательстве. – Сост.

авось да небось, и мы свою полоску вспашем. Если в это не верить – пропадай моя телега, все четыре колеса! Может, я чего и не так написал, извиняйте. Немножко рад книжке. На рыбалку вот съездил и под настроение Вам написал.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего доброго. Ваш В. Астафьев

Сегодня прочёл Солженицына в «Новом мире». Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый.

1963

4 января 1963 г.
(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Извините, что отнимаю у Вас время, но по пустякам я бы не стал этого делать. В Перми живёт Ольга Александровна Волконская (далёкая и дальняя родственница знаменитых российских Волконских). Она была дитём вывезена за границу в смутное время и моталась по всему свету, как по Старому, так и по Новому. Там и выросла. Мечтала вернуться на Родину и вернулась. Она пишет. Печаталась за границей в прогрессивных изданиях. Печатается изредка и у нас. В частности, подборка её рассказов была напечатана в журнале «Урал». Наше Пермское издательство решило напечатать книгу её вещей. И вот несколько лет не может осуществить этого дела, и всё из-за того, что автор вернулся из дальних палестин. Наконец-то её оставили в плане, эту книгу, но, чтобы перестраховаться, «общественность» требует рецензии «сверху», т. е. от Союза писателей из Москвы (мы не пророки в своём отечестве), и вот теперь нам стало известно, что эту рецензию заказали Вам.

Александр Николаевич, если рукопись Волконской заслуживает того, чтобы её было возможно поддержать, поддержите, пожалуйста. Я пишу Вам не с целью оказать какое-то давление (как это пишется в газетах), а просто в порядке участия в судьбе этой очень культурной и в общем-то совершенно незащищенной женщины. Она, конечно, счастлива и тем, что имеет – Родину. Но раз уж она пишет, и пишет не хуже, а лучше многих авторов, издаваемых нашим областным издательством, то как-то и неловко держать её в тених и затирать лишь из-за того, что она имела несчастье родиться в семье дворян, а не пролетариев.

Рукопись Волконской называется «Фиалки и волки», если это не против души, помогите и нам, и автору. О чём любезно прошу.

С уважением, В. Астафьев

Р. S. Я много работаю. Начерно закончил повесть и теперь обстригиваю её. Думаю к лету доломить окончательно. Получилось вроде, чем и счастлив.

27 января 1963 г.
(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Я только что вернулся из знакомых Вам Березников. Была там передача по телевидению, и мне пришлось первый раз в жизни моргать от яростных ламп и глядеть в пустоту, разговаривая с читателями. Занятие не из приятных.

По возвращении домой прочёл в «Лит. России» Ваши заметки о моей книжке⁶⁵. Мне даже и не хочется их называть рецензией. Очень мне было приятно прочесть Ваши раздумья о книжке. Смущало одно: пославши Вам книжку, я вроде бы напросился на «отклик». Ну, может, это смущение проистекает от «провинциальности» или от «божьего человека», как обозвал меня однажды в Москве один бойкий поэт «из обоймы».

Я всё быюсь, штурмую повесть. Задачу я себе задал почти непосильную. Работаю тяжело. Нервы уже на исходе. Усталость страшная. Вы мне помогли, поддержали рабочий тонус, и за это самое большое спасибо. Как и всякое яичко дорого ко Христову дню, так и Ваши заметки пришлись ко времени. Возможно, мне удастся захватить уже что-то более или менее читабель-

⁶⁵ речь идёт о рецензии А. Макарова «Прочитав «След человека» в «Лит. России», 1963, № 3. – Сост.

ное с собою. Черновики я, правда, не люблю читать и показывать, но в этой повести много такого, о чём надо бы посоветоваться. Словом, если ещё раза два или три перенесут совещание, и я уже приеду с почти готовой вещью.

С Волконской всё обошлось хорошо. Моего вмешательства не потребовалось. Достаточно было рецензии «сверху», и всё. Книгу её уже редактируют.

Ещё раз спасибо Вам на добром слове. Ваш Астафьев

23 апреля 1963 г.

Пермь

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Поздравляю Вас с праздником весны. Знаю, что отравили Вам эту весну, клюют в темя птички-невелички. Ну, да кого у нас не клевали, не клюют и не клюнут! Авось переживём! Держитесь! Сожмите крепче кулаки, зубы стисните – это помогает.

Посылаю Вам любопытную заметку из нашей областной газеты о Вашем фильме. Кино-театры у нас забиты. Я едва попал на фильм. Публика реагирует на события самым живым образом. Успех фильма у зрителей очень большой, но прессы на нём я не видел. Неужто от того, что Вы в «опале»? Ай-яй-яй! Что ж поделаешь. Нас тут, меня в частности, тоже помаленьку «прорабатывают», да я плюю на всё, работаю с удвоенной энергией, чего и Вам желаю. Крепко жму руку.

Привет Вашей семье. Ваш В. Астафьев

Май 1963 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Нонешний Касьян какой-то тяжёлый для всей земли – жара, землетрясения, бури, тревоги и масса черёмухи. Не к добру, говорят!

У меня год этот исключительно тяжёлый. Не успел я вернуться из Ессентуков и пережить обострение, как тяжело заболели жена и её племянник, воспитывающийся вместе с нашими ребятами. И у жены, и у племянша дело подкатывало к смерти от менингоэнцефалита. Леса заражены энцефалитным клещом до безобразных размеров. Больницы наши были забиты людьми совершенно разбитыми и надолго выведенными из строя с последствиями на всю жизнь. Были случаи укусов клещами даже в городском парке. Вот так природа мстит за истязание и разбой, учинённые нами.

Есть такая малая птица синица-московка. Она питается исключительно этим клещом и съедает его, говорят, до 45 кг в год. Но она любит боровые, густые леса, и в вырубленных, захламлённых местах не живёт. Её на обрубленном Урале почти нет, встречается только на севере и изредка возле нас, и вот, пожалуйста, не стало птицы малой, и пошёл мор на людей. Когда только у нас и научатся понимать и осмысливать цитаты, хотя бы того же Энгельса, насчёт того, что к природе надо притрагиваться осторожно, иначе она отомстит.

А какая уж тут осторожность. Весь Урал обруббили, засрали, разгромили на века. Куда ни сунешься, везде брошен лес, везде хлам непролазный и лесная зараза.

Но Вы всё-таки не бойтесь и приезжайте в августе или сентябре. Действие клеща кончается в июле, в конце, и я как охотник и рыбак ещё могу сводить Вас в неразбитые места. Кроме того, в деревушке, где я обычно обитаю, есть речушка с хариусами. Но их так быстро истребляют, что ныне я уже с трудом налавливаю на уху. На будущий год ещё, видимо, буду налавливать, а там уж на уклею, окунишек и ершей перейду, да ещё на лещей, ловить кото-

рых не люблю, но развелось их в Камском море дивно и никуда не денешься, придётся превращаться в лещатника и ждать часами, ждать поклёвки. А я люблю побегать по речке, похитрить, поругаться и обмануть харюзишку. Вкусен, собака, и ловок! Ловить его дело хитрое, но и наслаждение ж!

Писать я нынче совсем перестал. Повесть никак не могу добить. Вовсе выбит из колеи. Сейчас вот жена уже дышит и начинает печатать. Я для разгона написал эту штучку, что кладу Вам в конверт, и ещё рассказ сделал на лист. Его посылаю в «Урал», там обещают быстро деньги заплатить. «Хлебозары» посылаю Вам просто так, для прочтения. Всё пробую «звук» отработать и писать, как наши славные россияне писали стихи, – складно и со смыслом. А то уж больно много развелось у нас модных прозаиков и, как ни странно, поэтов, которые пишут спустя рукава, оставляя писательскую работу в стороне. Стихи пишут длинные, нескладные. И для кого только? Вон Рождественский уж метрами стихи выдаёт. В каждом журнале его самодовольная личность. А стихи? У нас в детдоме говорили: «Ни складушки, ни ладушки, поцелуй её с задушки», так, видно, про такие стихи. Главное – ребятишек развращают. В провинции косяки студентов ходят со стихами, где развязность и хилософия заменяют всякий смысл и поэзию.

Ну, я чего-то разбрюзжался! Бывает.

Как мне хотелось бы сделать хорошую повесть! А сейчас вот заглядываю в рукопись, и всё кажется плохо до того, что и работать над нею не хочется. А знаю – надо себя изнасиловать, заставить. Ну, авось и перемогу себя, авось чего-то и получится.

Как Вам там живётся, в Тарусе? Как пишется?

Я весною, если – тьфу! – ничего не случится, поеду в город Белев. Я оттуда начинал воевать и, наверное, смогу и на Тарусу посмотреть – это, по-моему, по пути? А пока везу больную жену в деревню и вынужден буду ещё долго находиться при ней неотлучно. Она у меня мировая баба. Мы женились ещё в 45-м. Она тоже была в армии. Много перенесла. Умница, хлебосольница, и вот говорит – бог шельму метит, пока всё наоборот, всё наоборот.

Чего-то я Вам наворотил тут?

Желаю всего, всего доброго. Всегда рад Вашим добрым и душевным письмам. Читаю их и перечитываю. И всё больше и больше хочется встретиться и покалякать. Ну теперь, буду если в Москве, так дозвонюсь уж.

Жму Вашу трудовую, Виктор

4 июня 1963 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я тоже был в деревне и провёл там всю весну. Это было для меня большим праздником и счастьем. Надышался, насмотрелся, отдохнул, посветлел душой и головой. Стало легче дышать и работать.

У меня куплен некорыстный домишко в умирающей, полузаброшенной деревушке⁶⁶. Рядом с домом речка. Ловлю в ней хариусов. Негусто, но ловлю. Пейзаж там чуть уральский, и больше среднероссийский: бугры, перелески, поля, но главное – чудная, студёноводная речка. В километре от деревни так называемое Камское море, захламлившее лесом деловым и смытым с берегов. Миллионы кубометров болтает волнами по морю уже несколько лет, и в окрестностях дорубают остатки и бросают их в воду – плавать, как бы специально, колоть нам этими огромными занозами глаза, чтоб мы лучше видели, что ли.

⁶⁶ деревня Быковка под Пермью. – Сост.

По возвращении прочёл Вашу повесть. Хорошая повесть. Зря Вы насчёт неё оговаривались. У меня есть свои претензии к ней, но они чисто вкусовые и субъективные, разумеется. Меня несколько подавило мастерство её. То есть она настолько гладко сделана в смысле писательского мастерства, что нигде и не споткнёшься. Это, наверное, хорошо, но это же и натораживает.

Я подумал, прочитавши Вашу повесть, кажется, впервые глубоко подумал о том, что критику начинать писать, пожалуй, даже труднее, чем обыкновенному смертному. Критик уже слишком хорошо знает, «как надо». Вот поэтому, видимо, Вы так строги в письме, а местами и очень сдержанны. Я люблю строгое письмо и считаю лучшей книгой о прошедшей войне лишь строгую, «железную» книгу Рихтера «Не убий». Он нет-нет да и «сфулюганит», вроде и не к месту «сфулюганит», вроде бы и перехохмит где-то, а читать как-то свободно, хорошо и радостно.

По душе мне и однобокий Ремарк, особенно его роман «Возвращение», хотя по стилю и по многому другому он мне чужой, а вот рассказывает о солдатах, о чужих, о немцах и вроде как обо мне. Целую страницу дует, собака, о том, как солдат помочился после войны и как струйка «серебром блестела под луной». Как будто озорует, но я-то понимаю, что именно вот так вот и можно помочиться с удовольствием, не стоя на коленях в окопе, и это заменит много сцен, написанных иными умильными писателями о том, как почувствовал себя солдат, увидев после страшных боёв дом родной, папу и маму, да ещё бабушку.

Но самым великим, самым моим любимым, моим богом является всё же Достоевский.

Чем больше читаю его, тем больше низко кланяюсь земле нашей русской, которая родила такого писателя. Нет у меня слов и чувств, которыми можно было бы выразить моё отношение к Достоевскому. Благоговение! У меня есть его десятитомник.

Я иной раз гляну на полку с книгами, и мне заплакать хочется. Кто я такой? А обладаю таким сокровищем! Вот могу запросто подойти и притронуться рукой, а это ж святыня!

И он дал мне такое счастье – прикоснуться к такой святыне! И чем хуже дела на земле, чем больше страдает человечество, тем чаще и чаще тянутся руки к «Карамазовым» – этой книге книг.

Да что я Вам всё это говорю! Вы же русский человек, и в Достоевском вся наша боль, все наши муки, все наши слабости и наше величие, и потому он до боли близок всем нам, хотя и обещает неутешительное будущее, но в этом не его вина. А если он был объективен, каковыми мы уже не умеем быть, и страдал за всех разом, то надо только удивляться крепости его сердца. У всякого другого человека, так постигшего мир и людей, сердце этого не выдержало бы и разорвалось на клочки.

Ну вот, увлёкся.

Возвращаюсь к повести. Здорово всё сделано, что касается отношений Маши и матери. Тонко сделано. Хорошо завершено, не сусально. Отец – мужик хороший, и вообще народу хорошего в повести много. Сочно, со вкусом и вкусом написан север. Удивила меня лишь несколько раз повторенная фраза отцом Радика: «Алеут тоже человек!»

Я знаю немного этих бое. Чтобы он так заговорил, надо сильно его обидеть. В повести не хватает сцены и куса, либо этот выкрик висит в воздухе. То, что его отправили как алкоголика «в отсидку», ещё ничего не значит.

А вообще после прочтения повести потянуло снова на север. Дружно там живут, семейно, и отношения сохранились ещё святые, не загаженные мелочами. Может, и соберусь ещё когда.

Послезавтра, точнее завтра, к нам приезжают латышские писатели и в придачу несколько москвичей. Судя по программе, хотят «изучить жизнь». Пока они её, грешную, будут «изучать», нам придётся с ними хороводиться. А потом я снова уеду в деревню, на всё лето. Буду бывать в городе лишь наездами. Сделаю ещё один заход на повесть, после которого как-то надо решать и её судьбу.

Повесть⁶⁷ к августу или в августе я добыю. У меня к Вам большая просьба. Не сможете ли Вы её прочесть после того, как я её доделаю? Очень бы хотелось дать её Вам, прежде чем начинать определять её в журнал какой-то. В какой – я ещё и сам не знаю. «Уралу» её не осилить, зубаста она для него. А главное не это, главное, мне бы хотелось кое о чём посоветоваться с Вами. Если у Вас будет время в августе и желание прочесть рукопись, напишите, куда Вам её послать, и тогда я напишу обо всём, что меня тревожит, и о чём бы я хотел посоветоваться с Вами как со старшим товарищем.

Я, наверное, утомил Вас своим письмом? Почерк у меня очень уж аховый. Но так хотелось поговорить, да всё равно в письме всего не испишешь, да и не умею я их писать. Как-то сумбурно у меня всё получается. Ну, может, нам доведётся когда-то и так встретиться и поговорить очно. А пока всего Вам доброго. Здоровья и хорошей работы.

Крепко, крепко жму Вашу руку. Ваш Виктор

P. S. Читал Вашу статью в «Литературке». Читал в деревне и потом целый день ходил в лесу и думал. Да, молодым быть трудно, и не только в Риме или Стокгольме, и у нас тоже...

16 июля 1963 г.

Пермь

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я так рад Вашему письму! Его долго не было, и я уж подумал – не обидел ли человека, которому и без того тошно. А обижать и бить людей я уже не могу, хотя и делаю это иной раз произвольно. Такая жизнь.

Лет шестнадцать назад я ударил человека кулаком и с тех пор дал слово никогда не прибегать больше к этому способу действий. Может, оттого, что это произошло при мерзких, низменных обстоятельствах, а может, оттого, что в детстве приходилось отбиваться часто, чтобы выжить. Из рукописи, которую я пришлю Вам, скорее всего, в начале сентября, Вы всё это увидите.⁶⁸

А человека я ударил за кости. Да, да, за кости с колбасного завода. Привезли их в наш цех на делёжку, как «допитание», и начальство выбрало все мозговые кости, а нам оставило рёбра. Жена у меня лежала в больнице с умирающей маленькой дочкой, и ей не дали карточку. Есть было нечего. Дочка умирала от того, что её нечем было кормить, и умерла. А мы с женой (она тоже с фронта – коммунист, на войне и вступила в партию) такое горе мыкали – не приведи господь. И вот горе, беды и, главное, унижительное сознание того, что я, мужчина, не могу содержать семью, прокормить её, заставили поднять руку, и я дал в рыло начальнику цеха. А он парень-то тоже с фронта и потом жил хуже меня. Я пятнадцать лет встречал его на улице в Чусовом, и все эти годы мне было стыдно до чёртиков. Хоть бы он буржуем стал, тогда другое дело, а то такой же «пролетарья». Словом, с тех пор – всё, хотя иной раз и хочется взять по детдомовской привычке стул и обломать его об иную голову.

Живу я всё в деревне безвылазно. Погода у нас нынче одурела. В начале лета и вот уже больше месяца стоит куда тебе с добром. Всё растёт, цветёт, радуется, хлеба в рост. Хариусы клюют помаленьку. В деревне тишь и благодать.

Работаю много. Повесть уходит всё вглубь и вглубь. Не знаю уж, как и вынырну я из этой глубины. Бессилие иной раз охватывает. Не хватает грамоты, культуры, и отсюда – масштабное мышление. Обруч какой-то в голове и на сердце. Ломает его – буквально. Стараюсь плюнуть

⁶⁷ «Кража». – Сост.

⁶⁸ речь идёт о повести «Кража». – Сост.

на всё, ан воздухом-то дышать каким? Вот и не удаётся превозмочь себя до конца. А надо бы! Надо бы! Сколько надо рассказать! Сколько осмыслить!

Гнали мы в прошлом году с замечательными колхозными ребятишками на альпийские уральские луга скот. Я написал об этом очерк и попросил «уделить внимание» ребятишкам, которые бескорыстно, в разбитой обуви, худой одежонке ходят к чёрту на кулички в дождь и снег, помогая колхозу, а потом всё лето работают на полях.

«Взяли»! Журнал «Уральский следопыт» наградил школу грамотой, какими-то значками и пятью путёвками на слёт юных следопытов. Повезу их (путёвки) сам. Завтра и порадую село и ребятишек. Пусть хоть пятеро из них посмотрят кусочек света, поедят как следует. Ехать далеко на север области, но надо.

Я помню, как валялся на полу столовой одного дома творчества откормленный выродок, пинал в морду маму, плевал на официанток и кричал: «Я – внук Прокофьева!» И не могу с тех пор бывать в этих домах и очень хочу, чтобы кусочек сладкого пирога, хоть маленький, достался тем ребятишкам, которые его заработали, зарабатывают, но в глаза не видят.

Сегодня ночью я прочёл повесть своего друга по курсам, Анатолия Знаменского. Не слышали о таком? Это очень талантливый человек, и повесть его где-то посильнее «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына (она об этом же, но «припоздала»). Советую Вам достать его книжку рассказов «Прометей № 319» и прочесть там два рассказа: «Прометей» и особенно «Песнь песней». Остальное написано давно, случайно и «для хлеба». Нынче в «Урале» печатается его роман «Иван-чай», но повесть, которую я прочёл, сильнее всего. Он в 64 страницы «уложил» столько, что диво-дивное. В общем, не бедна земля наша талантами, да таланты-то на неё ропшут – неласковая, неподатливая. И сколько её роют, а всё тверда!

Статью о Достоевском прочту непременно, как вернусь домой. Я очень хочу во многом разобраться и не могу.

Пишу между «серьёзными делами» для ребят. Пишу с удовольствием, даже с наслаждением и на этих вещах «отдыхаю».

Ну вот пока и всё. Как хорошо, что Вы «появились» и я могу поговорить с Вами хотя бы в письме.

По существу, люди мы все очень одинокие. И страдаем, и радуемся, и даже боремся (чаще с собою) в одиночку. Как я завидую тому, что Вы – таким кругом! – читаете рукописи. А здесь провинция. Здесь зависть и напоольные интриги. Печатаюсь вне Перми, по существу, я один. А есть «свои классики», как и во всякой другой области. Выдают в год по пятидесятилистовой книге, и их, видите ли, не замечают! Что-то не то! А в общем-то, чепуха всё это. Каждый художник прежде всего сам себе судья. Ругаюсь я тут. Зуботычины, в виде рецензий, даю градом. Прикормили их возле литературы, как собак возле бойни.

Я тут ещё уполномоченный Литфонда. Ну и кормушка ж это! Обообрали меня как липку. Все «фонды» раздал, и скоро мне влетит «сверху». Ну, глядишь, «с поста» симут за растрату. И то добро.

Всего Вам доброго, Александр Михайлович! Хорошей погоды! Хорошего клёва в прямом и переносном смысле! Крепко жму Вашу руку. Виктор

*Ноябрь 1963 г.
(И. Степанову)*

Дорогой Иван!

Когда русский человек говорит слово «вознёсся» или «зазнался», то он сразу ставит себя в положение обвинителя, а тот, кому он это говорит, следовательно, должен оправдываться и таким образом доставлять некую усладу обвинителю. Ни перед тобой, ни перед кем другим я оправдываться не собираюсь, ибо вина моя перед людьми, и в особенности перед литерато-

рами, которые начинали писать вместе со мною, либо гораздо раньше, вина моя перед ними состоит лишь в том, что я больше и лучше их работал. С некоторых пор друзьям моим прошлым и настоящим стало доставлять удовольствие говорить мне гадости, в особенности тем, кто принимал и принимает литературу вроде приятельской забавы. Я же давно знаю, что она не забава, а одна из тяжелейших работ на свете, и отношусь к ней только как к работе, а не к способу показать миру свою персону и удивить мир ею, а следовательно, ни «возноситься», ни фарисействовать мне некогда.

Кроме того, я два года живу в Перми, а до этого два года учился в Москве и никаких писем от тебя не получал. Если бы получил – можешь быть уверен, ответил бы. Я отвечаю на каждое письмо, и умное, и глупое, иной раз от сна отрываю часы, но всё равно отвечаю, дабы не давать лишнего повода думать о пишущей братии плохо и разносить по свету мешанские гадости. Я сужу о писателе по его произведениям, тут он весь на виду – это же советую и тебе делать.

Будь здоров. Виктор

12 декабря 1963 г.

(И. Степанову)

Иван!

Ты попал со своей открыткой не в добрый час.

Я приехал домой из Ялты (заболел там 8 ноября, а 9-го выехал). Хотел проехать Москву, но там как раз должны были принимать в Союз рекомендованного мной мужика и попросили остаться, так как его шансы были не очень. Я остался совершенно больной, аж на целых четыре дня, а потом выдержал бой на приёмной комиссии, заступаясь в лице подшефного за всю периферийную литературу. Его приняли, а я глотал валидол, на том и до дому доехал.

Тут сей друг с радости напился и немедленно наговорил мне гадостей. Он мог их говорить на том основании, что переехал из подвала в новую квартиру. Её выхлопотал тоже я, как депутат и как уполномоченный Литфонда. Деньги литфондовские вкладывал в кооператив, на свой риск и страх. Он приходил потом извиняться и плакаться, потому что ребята ему рассказали всё же, как я бился за него в Москве и как добывал квартиру. Говорит: «Не знал, что так могут ко мне относиться». То есть думал, что уж если что для него сделал на копейку, так орать должен, что на рубль – это у нас заведено. Ну, махнул я на него рукой, контуженный он, да и «осознал» вроде.

Вот в сей период, лёжа в больнице, я тебе и накатал то злое письмо. Отвёл душу на тебе, ибо жены дома не было (она тоже была в больнице на очередной женской операции). Извинения не прошу, потому что считаю тебя мужиком, хотя и передёрнуло меня на словах «отвода не жду», это кокетство «бедного» периферийщика.

Меня обещают вылечить за полмесяца, печёнка и сердце у меня разболтались, и ещё голова шумит, ну к этому-то я привык. Думаю к новому году выбраться отсюда. Нервы подкреплю и прочее, а то уж и жене доставаться стало, а она у меня такая женщина, каких не на всяком меридиане земного шара найдёшь. Редкостного ума, такта, душевности и готова за меня голову свою отдать и сердце вынуть, если надо. Это не красивые слова, а правда. Только я ей никогда их не говорил – стесняюсь, а вот вернуть, пока не слышит, что-нибудь «творческое» – это ничего.

Работы много. Готовлю книжку в библиотеку «Огонька», сборник рассказов в «Советскую Россию» и, главное, к марту должен сдать в журнал и издательство «Молодая гвардия»

новую повесть⁶⁹, над которой бьюсь с 1961 года. Вещь уже читали, но предстоит большая доработка. Очень вещь серьёзная. Действие её происходит в Игарке.

А ты, значит, в драматургию ударился?хлопотное, не очень благодарное и не для всех хлебное дело.

Ну, бывай! Привет семье. Виктор

⁶⁹ «Кража». – Сост.

1964

11 февраля 1964 г.

Пермь

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вы, наверное, уже в Чехословакии? А у нас нынче хорошая сухая зима, тем не менее и до нас докатилась какая-то страшная эпидемия гриппа. Все медики на ноги поставлены. Не упася и я от болезни. Лежу вот уже пятый день, правда, не с гриппом, а с ангиной, но тоже хрен редьки не слаще. Единственное преимущество перед гриппом – можно читать и писать хотя бы письма. Вот я и пишу по письму в день.

Я очень рад, что Вы на меня не обиделись за то, что я не зашёл к Вам в Москве. Ну, да Вы ведь не провинциал и всё понимаете, как надо. И, наверное, хорошо, что Вы не остались на съезд. Право, всё это уже и утомительно, и удручительно не только для пожилого человека, знающего к тому же театр и основы, по которым создаются спектакли.

У меня самочувствие не очень-то хорошее. Перво-наперво устал с повестью и ещё потому, что распорядился я ею глупее некуда. У меня была телеграмма из «Нового мира» насчёт рукописи, но тут товарищ мой прислал мне письмо о том, как долго читали там его рассказ, как нудно редактировали, и я заколебался. Дело в том, что в издательстве «Молодая гвардия» повесть перенесена из 1963 года в первый квартал нынешнего года и мне, следовательно, нужно было поспешать. Бах! – письмо из «Знамени»: «Помним, любим, быстро прочтём и т. д.». Я всадил им рукопись (хотя знал, какой это занудливый журнал, в смысле прочтения рукописей авторов, не являющихся секретарями и членами) и, конечно, попал на уд.

Сначала всё шло быстро и хорошо. Прочли, дали редакционное заключение работники отдела прозы и Александр Николаевич Макаров, член редколлегии. И вот уже скоро три месяца, как повесть в «Знамени», и начальство никак не соберётся решить её участь. Дней десять назад была телеграмма о том, что собираются обсуждать на редколлегии днями, и снова молчок.

Всё это может кончиться весьма печальным результатом – повесть не современная, не военная, и на этом, да и на любом основании мне могут отказать в «Знамени», и тогда я останусь вне журнала вообще, потому что издательство уже махнуло на меня.

Ну, век живи, век учись и так далее...

Ещё занимался киносценарием для ребят. Очень неуверен был, принимаясь за эту работу, ибо начитался статей о специфике, ракурсах, фокусах и прочем. Плюнул я на всё это и стал писать сценарий как литератор и кинозритель, умеющий кое-что запомнить, увидеть, кинозритель, в жизни которого кино играло, пожалуй, главную роль в смысле воспитания и отравления организма, просвещения и отупления – всего вместе.

Недавно приезжали ко мне на денёк режиссёр и редактор из студии, и оказалось, что я вполне владею этой «спецификой», ибо, сказали они, «самая наиглавнейшая специфика наша – это достоверная жизнь, а она в сценарии есть, а как снять, кверху ногами или на лету, это уже не ваша забота». Ну, тем и успокоили. Теперь буду работать уверенней. Вот только поправиться бы, и возьмусь за сценарий, потому что с повестью в очередной раз разделался (опять надеюсь, в последний).

Читал я всю полемику с Солоухиным. Я и по его книгам, очень талантливым, убедился, что он бессовестный человек, а теперь это моё мнение подтвердилось дискуссией. Мало того, он не просто бессовестный, он заигравшийся, беспардонный демагог, которому ради красного словца не жаль матери-отца.

О многом и многом мне хочется и надо с Вами поговорить. В письме этого не сделаешь. Да и отдыхать Вам надо, а я ещё тут со своею нудной тоской.

Будьте здоровы. Не работайте там. Отдыхайте. Шлю Вам привет с родной земли. Виктор

1964 г.

Пермь

(И. Степанову)

Дорогой Иван!

Не так давно я был в Москве и однажды вернулся в общежитие литинститута, где постоянно останавливаюсь и где у меня много приятелей, и заорал: «Я был в гостях у счастливых людей!» Мне не поверили, и я сказал: «Бля буду!» Всё равно не поверили. Я действительно был в гостях у людей, которых можно назвать счастливыми, братия литинститутковская, как правило, с такими сложными, исковерканными судьбами, что ей, да и мне тоже, не верилось, будто бывают счастливые люди.

Я как-то говорил, что почти каждый человек – это герой большого романа, в крайности повести, а есть такие, что и с них хоть трилогию пиши.

Так усложнилась наша жизнь, что человечешку этого мотает, мотает, треплет, треплет, что он бы и не хотел, да в куделю превратится.

Я знаю несколько приличных писателей, которые в расцвете сил и творчества бросили писать: «А зачем?» – спрашивают. И действительно, зачем? Вон у меня на полке стоит двести книг из серии «Жизнь замечательных людей», стоят сочинения титанов! – Толстого, Достоевского, Бальзака и многих, многих страдальцев «за будущее», за человека. И что? Лучше стал человек? Жизнь его устроенней сделалась? Он высвободил ум и себя от забот о насущном хлебе для творчества и великих дел? Да ни хрена подобного! Всё стало хуже и человек тоже. Эта двуногая скотина сама себя поставила к стенке и не понимает этого. Дошла до морали «сдохни ты сегодня, а я завтра», загрязнила и разгромила природу, то есть предала и ободрала своего лучшего друга. Наши титаны мысли все в гробу поперевёртывались, поди. Даже Карл Маркс вшу бородой метёт, а на что уж был активный демагог, которому ради красного словца не жаль было не только матери-отца, но и всех нас, детей его. И кабы одного меня.

А я, если отлежусь, на съезд поеду, посмотрю ещё один спектакль в жизни со многими явлениями и замаскированным карьеризмом и пр., и пр. Может, когда и в Сибирь соберусь. Если всё изладится – летом уеду на Енисей и отдохну хоть. А пока бодрюсь, старина, в меру сил.

Обнимаю. Виктор

8 сентября 1964 г.

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В последнем письме Вы мне писали о болезни тестя и о том, что в Мещёре горят леса и вообще чёрт знает что делается. Я получил это письмо тогда, когда у меня в семье двое лежали в тяжком бреде и на грани, как говорится, от клещевого энцефалита. Впрочем, я и сейчас, когда все беды остались позади, шибко сомневаюсь в диагнозе, ибо ни у Марии, ни у племянника её, который живёт у нас, впившихся клещей не было. Видимо, это какая-то тяжкая разновидность менингита, но списывают всё на клещей, которые и в самом деле нынче свирепствовали у нас и отправили на тот свет многих людей.

И если бы у меня не было друзей и мало-мальской известности в городе, то и жена моя тоже бы побывала чёрт знает где, скорей всего, дальше ещё, чем Тёркин Вася. Больницы были

переполнены, врачи в отпусках, и с трудом уж через облысполком удалось устроить в больницу Марию – там её и спасли, и племян тоже поправился.

Сейчас уже больше месяца мы живём в деревне, и Мария хорошо поправляется, а я наконец-то смог работать над «Кражей». До этого, чтобы совсем не выйти из колеи, кропал рассказы – сделал три – один, кажется, ничего.

А «Кража» идёт очень и очень туго. Запутался я и заплёлся. И хотя время и советы, особенно Ваши, очень пригодились, всё же хвастаться особенно нечем. Что-то мне кажется в повести плохим, и от этого вещь разлюбивается, и я начинаю от неё уставать, а это уж плохой признак – устанешь, скомкаешь и отпихнёшь от себя. Пока сдерживаюсь и заставляю себя работать. В общем-то, вещь, конечно, сделалась получше, ещё заход-другой сделаю и, может, вывезу.

Лето у нас стояло засушливое, но в середине августа грянул холод и всё помёрзло, и листья сразу начали желтеть. Сейчас начало сентября, а всё уже дышит глубокой осенью. И печаль какая-то кругом, растерянность. Я много хожу по лесу с ружьём и радуюсь тому, что могу вот так ходить, и думать о чём угодно, и жить вдали от шумихи, суеты и раздражительности. Правда, и съездить уж хочется куда-нибудь.

Может, глубокой осенью приеду с повестью в Москву, а может, и сборник рассказов редактировать в «Советскую Россию». Лежит там мой сборник скоро уже два года, и ни слуху, ни хрюку из издательства. Рассержусь, наверное, да отдам его в «Советский писатель». У меня оттудова есть письмо с предложением что-нибудь им дать.

А что нового у Вас? Как киносценарий и роман? Как здоровье домашних? Вы, наверное, из Кузьминского уже вернулись, поэтому я пишу Вам на столичный адрес.

Читаю сейчас книгу статей Леонида Леонова. Мудёр мужик, но и хитёр тоже. Вышла у меня книжечка «Перевал» на латышском языке – вот и все мои новости. Говорят, вышла моя повестушка «Звездопад» в Чехословакии, но книжку мне не шлют отчего-то. Может быть, Вы когда-нибудь поедете в Чехословакию или Ваши знакомые? Будьте добры, попросите привезти один экземплярчик, если книжка в самом деле вышла. Охота взглянуть.

Ну всего Вам хорошего. Пусть хорошо работается. Жму руку. Виктор

Р. S. Дорогой Александр Михайлович! Только я дописал Вам письмо, прискакали мои ребята на воскресенье в деревню и привезли от Вас пакет. В письме я отписал Вам свои жития и теперь, естественно, мои вопросы насчёт Ваших дел отпадают. Удивляюсь Вашей работоспособности. Вы, наверное, очень организованный человек.

А Ваше сетование насчёт критики я полностью разделяю. Действительно, странно, что о Ваших книгах ни звука! Я, например, уверен был, что последняя Ваша повесть в «Нашем современнике» вызовет споры в печати, ибо в ней есть о чём поразмышлять и поспорить. Так нет, критики тоже ищут чего полегче и ни с того ни с сего поднимут вой вокруг какой-нибудь лабуды. Вспоминаются мне горькие строки из писем Вячеслава Шишкова, который тоже при жизни был у критики не в чести, да и сейчас, после смерти, его особо не жалуют. О Крымове или Горбатове пишут и говорят больше, а читают всё же Шишкова. Такая уж штукавина непонятная эта литература. Так работать, конечно, тяжело. Хорошо, что за границей издают Ваши книги и читатели знают – это, в общем-то, самое главное. И всё же можно было и отнять чуточку внимания критики, спорящей об Аксёнове или Вознесенском.

К сожалению, без критики и без внимания иные писатели совсем изменяются. Есть такой писатель Борисов в Свердловской области. Он задолго до Шолохова написал рассказ «Луна над ячменным полем» (и не хуже, чем «Судьба человека»), но его так мутузили «внутри» писательской организации, что приучили писать так же безлико, как и они, чтоб знал край и не лез за него, не выделялся, а был тоже сереньким и безропотным.

Или вот у Константина Воробьёва вышли повести и рассказы в «Советской России». Отменная проза – и ни гу-гу о книжке. Я не хочу утешать Вас этими примерами и пишу о них лишь только потому, что и сам недоумеваю и не понимаю многих вещей.

Пусть Вам хорошо работается – это главное. Виктор

4 ноября 1964 г.

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Прежде всего с праздником Вас и всё Ваше семейство!

Я только что из деревни. Повесть таки добил. Стоило это огромных усилий и перенапряжения невероятного. Если б не глухое село, не добрая осень, не отринутость от суеты и ошеломительных новостей, мне не справиться б было с этой вещью. Не всё, но вывез я в повести. Есть прогибы, есть места, где не хватило силёнок, а точнее таланта, но чувствую, что вещь получилась, и только звон в контуженной башке да усталость не дают как следует порадоваться этой моей победе над собою (я ведь несколько раз про себя киксовал и решал уж отступить от этой вещи).

Дома я нашёл в газете рецензию на Вашу повесть. Наконец-то! Я тут даю её, повесть, читать всем своим знакомым. Всем она нравится (даже не то слово немножко), и все говорят, что сами ни за что не стали б читать повесть под таким названием. Уж очень оно безлико и вяло. Кстати, один мой знакомый писатель, который страшно обрадовался, прочтя Вашу повесть, и целую неделю толковал со мною о ней, сказал, мол, хорошо, что «Литературка» не напечатала ничего о повести Борицаговского, рецензируя прозу «Нашего современника». Я спросил, почему. И он, на мой взгляд, резонно ответил, что больше двух абзацев она не могла бы уделить повести, а о ней нужно писать много и так же умно, как сама вещь написана.

Свою повесть я отправляю в «Знамя» – обещают быстро прочесть. Кроме того, я печатался когда-то в «Знамени» и меня там ещё помнят, судя по письму, пришедшему из журнала. Если чего-нибудь не стрясётся, то числа 20—25 ноября приеду в Москву и постараюсь сыскать Вас, вот потому и пишу коротко, что надеюсь потолковать. Очно!

Желаю Вам нормальной работы. Всего доброго. Виктор

25 декабря 1964 г.

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В самое расслюнявленное время, в самую мокропогоду был я в Москве. Приехал в великой душевной смуте, или, как нынче говорят, с депрессией, ибо, закончив повесть, обалдел от неё и устал. В Москве я немедленно подхватил грипп и жалел себя, такого одинокого и несчастного, всё мне хотелось плакать, и даже были и другие сентиментальные мысли и намерения. Естественно, что в таком чисто российском состоянии, когда чувствуешь себя несчастеньким и сладенько упиваешься этим, ни видеть, ни звонить мне никому не хотелось.

В эти дни приехал из Челябинска в Москву Володя Кузнецов (сталевар, лицом и волосом похожий на Есенина) и привёз полный чемодан стихов, нигде ещё не печатанных и никем не слышанных. Лёжа на кровати, я переслушал весь чемодан и был поражён и обрадован, что наша земля, даже неудобренная, нет-нет да и родит овощь, и здоровую. Парню 28 лет. У него невероятно трудная биография, твёрдый характер и почти зрелая уже муза. (Я кладу Вам в конверт один экземпляр его стихотворения – посмотрите!) Захотите – ещё пришлю. Каковы его дела в Москве, пока не знаю. Думаю, что не очень хорошие. Ототрут его плечами удалые

молодцы, знающие ходы и выходы, да и не по зубам многим нашим журналам будет его умная и мужественная поэзия.

Я знаю Валю Волкова из калужской деревни. Он пишет так, что сердце стонет от скорби за землю нашу, и потому его не печатают. Утешает единственное, что настоящий талант всё равно пробьётся... Но как подумаешь – сколько не пробилось!..

Так и не дождавшись результатов с повестью, чуть только выздоровев, я укатил из Москвы. В моё присутствие «Кражу» прочли в «Знамени» Макаров и Уваров. Оба они «за», хотя и сделали замечания, но они сказали, что с ходу, по «зелёной», у них печатаются только секретари правления Союза, и тем меня утешили. Начальство повесть не читало. Обещало как будто прочесть и быстро сообщить, но вот новый год на носу, а ничего не слышно. Боюсь, что «Знамя» подведёт меня и я останусь с повестью вне журнала, ибо в издательстве прочли повесть, написали договор, и я с трудом уговорил издательство перенести повесть из 2-го в 3-й квартал.

Мой вояж в «Знамя», кажется, рассорил меня с «Молодой гвардией», где я постоянно печатался. Во всяком случае, там сделали вид, что обиделись на меня смертельно. Но, хотя обещали объявить меня в журнале на будущий год, и... «забыли», зная, что я работаю для них. Ну я, может, из-за гриппа, а может, из-за депрессии высказал им все свои обиды, а обиды мне наносились всякий раз, как я печатался, то в виде ущемлений гонорарных, то усекновений текстовых.

Словом, жизнь катится вперёд, и настроение моё уже подладилось, и я снова весь в работе, а Вы на меня не обижайтесь. Это уж свойство моего характера – появляться на люди бодрым и здоровым, а в болезни и несчастье уходить в себя, в одиночество.

Маня моя, слава богу, тоже шевелится уже, печатает и варит, и високосный год кончается.

Сегодня отправлю четыре листа в приложение к «Сельской молодёжи» (предложили мне там напечататься), отправляю «Звездопад» и два новых рассказа. В Чехословакии книга моя действительно вышла. Какие-то дальние знакомые купили её там и передавали мне об этом через дальних же знакомых. Так что я Вас очень прошу привезти мне книжку. Она вышла как будто в молодёжном издательстве.

Я избран делегатом на съезд, следовательно, в начале февраля мы увидимся. Я покажу Вам новые рассказы и себя покажу, хотя мне и стыдно будет немножко, но Вы уж не браните меня. Я тут столько крови испортил своей, пока поправил дела домашние, отбил от должности секретаря отделения и закончил повесть. Работа и спасла меня от многих бед.

Ошарашили Вы меня сообщением насчёт болезни Яшина и Залыгина. Они ж ещё молоды для писателей, и на тебе! Мор идёт по земле, повальный мор. Вот разом несколько знакомых доканчивает рак в здешних больницах. Весёленький век нам выпал!

А теперь поздравляю Вас с Новым годом и желаю, чтоб он лучше и легче был, чем нынешний, и чтоб работалось, работалось. Ваш Виктор

1965

16 января 1965 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Я нахожусь сейчас в «своей» деревне. По возвращении из Москвы ездил в Свердловск на совещание, которое, по-моему, никому не нужно было и пользы от него никакой. Только и пользы, что банкет, где все упились и наговорились.

Вернувшись домой, работал над «Кражей», но устал, плюнул на всё и рванул «на лоно». Хорошее оно, это «лоно», прямо слов нет и сказать, как тут тихо, снежно, голубо и здорово!

А тут ещё и удача. В первый день, как приехал, взял зимние удочки, спустился на речку и в первой же лунке поймал шесть хороших хариусов. Впервые в жизни поймал зимой хариусов, да ещё сразу шесть! Потом мы с сынишкой рыбачили ещё три дня, и поймал он всего одного хариуска, а я ничего больше. На том, видно, и кончилась моя планида или фарт. А вчера ударили морозы. Радио говорит – кратковременные. Посмотрим. Я времени не теряю зря. Сажу и делаю набросок киносценария, за который уже давно получил и проел аванс. В успехе дела я шибко сомневаюсь, но аванс отработаю и от повести отдохну. А это уж немало.

После праздника я давал телеграмму в «Знамя», просто чтоб подшевелить немножко «машину». Ответа нет. Я беспокоюсь очень. Ведь если меня забодают, я могу остаться вне журнала вообще, ибо «Молодая гвардия» в лучшем случае будет ждать меня до лета, а потом возьмёт за бороду.

Ну да бог с ней, с этой повестью! Не стоит о ней и говорить. Хорошо уже то, что я её опять перетряс, пересмотрел и дорабатывать заканчиваю. Глядишь, лучше и завершённое станет. Это не так уж мало. И потому уже я благодарен Вам и никак не могу «охладеть». Это уж Вы зря. Я так просто с людьми не расхожусь. Повесть повестью, а дружба дружбой. И не стоит говорить об этом больше.

Я – делегат съезда. Получил карточку, заполнил. Значит, скоро приеду и мы ещё где-нибудь посидим в уголке и покалякаем, и, глядишь, и выпьем на этот раз, отменим «сухой закон», навязанный жёнами. В Новый год я грипповал. А сейчас чувствую себя хорошо и только об одном жалею, что дела вынуждают через три дня покинуть деревню. Так бы и жил здесь век!

Обнимаю Вас! Виктор

1965 г.

(Жене)

Дорогая Маня!

У тёти Таси⁷⁰ я пробыл два дня, хорошо выспался. С тётей Тасей наговорились досыта. Она живёт всё так же, по-моему, до завидного земно и покойно, вся в буднях – трудах да хлопотах, тоже земных и непритязательных. Глядя на неё, я ещё раз убедился, что быть при земле и жить ею – есть высшее наслаждение и не всем ведомое счастье.

Спасибо за рукопись! Жаль, что тебе снова пришлось быть в суете и штурме. Мне бы и хотелось, чтобы тебе было спокойней и нетрудно, но ни я, ни семья моя не умеем этого делать и всё получается как-то не по азбуке, а больше по течению.

⁷⁰ тётка Мариш Семёновны. – Сост.

Повесть всё ещё читают в «Новом мире», а вот рассказы вроде бы двигаются: «Индия» идёт в «Литературной России», «Заклятье» – в «Сельской молодёжи», а в «Огоньке» – про оленей, говорят – хорошо, но лучше бы про комбригады, а так может и не пройти.

На следующей неделе начинается семинар в Чите, и успею ли я к нему? А хотелось бы съездить, развеяться малость. Сегодня поеду в Союз и переговорю обо всём, попутно узнаю, не выкинули ли рассказ из «Нашего современника», сейчас всё может быть. Идёт новая облава на литературу, а облавливать-то уж нечего и некого. В среде литераторов кроме рвачей и бездарей полное уныние. Ждали послаблений, а тут фигу с маслом. Ходил в прачечную, хотел сдать пару белья в разовую стирку, да постеснялся, больно уж черномазые грузины и иже с ними держатся там по-хозяйски. А вокруг лебезят банщики. Противно смотреть. Рукопись посмотрю после машинки и тогда отнесу в «Молодую гвардию». Повести там и там, видать, будут лежать, пока не отпразднуют 50-летие неповторимой нашей и любимой власти. Ну, лежат не только у меня. А вот насчёт нового сборника рассказов на 67-й год я в «Советском писателе» договорился на 12 листов. Времени тут даром не теряю. Надо работать.

Целую, я

Март 1965 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Повесть я доделал уже больше недели как и что-то прихворнул опять – ангина прихватила, да какая-то непривычно тяжёлая. Сейчас уже поправился почти, но ничего делать не могу из-за неопределённости с повестью, навалилась тоска, и от тоски вот и пишу Вам, ибо из-за болезни даже на рыбалку ехать нельзя, да и холода нынче стоят.

Вчера мои орлы ездили на рыбалку, и сын ознобил нос и также все брюшки пальцев, поймав при этом четырёх окуней и трёх сорожек.

Что же это «Знамя» так меня мучает? Была телеграмма дней с десять назад, скоро, мол, и опять ни гу-гу. Я уж извёлся весь, а главное, делать ничего не могу, и сомнения меня всякие одолевают, какая-то смута на душе и думы насчёт своей писательской неполноценности.

Всё это, в общем-то, блажь, и я не хотел писать о ней, да уж больно невмоготу.

Читал вчера Вашу статью в «Литературке»⁷¹. Меня как-то очень покорибли Ваши слова «и пусть автор не обижается...». Чего уж Вы с поклоном критикуете Вл. Солоухина? Он и без того избалован вконец и обнаглел от этого, судя по демагогии, разведённой в «Литературке» насчёт обрядов. Людям жрать нечего, они, крестьяне наши, пребывают в равнодушии и запустении, а Солоухин хлопчет насчёт обрядов и пишет сельские идиллии. Хитрец он, очень талантливый и оттого ещё более вредный хитрец-демагог.

Недавно был бригадир из нашего села и сообщил, что в клубе при демонстрации фильма «Председатель» к концу сеанса осталось два человека. Люди плюясь уходили из клуба и говорили, что им всё это и у себя видеть надоело, а тут ещё в кино показывают...

Я, в общем-то, был готов к этому, но очень хотел ошибиться в предположении и удручён был этим сообщением вконец. Так что деликатничать с теми авторами, которые вроде бы врать не врут, но и правды не говорят, не следует, наверное. Очень они много вреда принесли. И Солоухин – это тонкий перерожденец лакировщика, который видит каждую травинку и даже каплю росы на ней, но бревно не замечает, рыло в кровь разобьёт и всё равно не заметит, ибо за это не платят, за бревно-то...

Говорят, съезд снова перенесли. Может, его зажмут, как когда-то совещание молодых зажали? Если так, то в Москву я не скоро поеду, а чего-то так хочется потолковать. Ну да авось

⁷¹ *Художник – искусство – время. Лит. газета. 1965. 13, 25 февр., 2 марта. – Сост.*

чего с повестью и выйдет. Сняли бы скорее камень с души – туда ли, сюда ли объявили, и делу конец.

Если съезд не скоро, Вы мне черкните маленько при наличии свободного времени, а если съезд скоро, то и писать не надо. Я, наверное, сбегу в деревню на недельку, как немножко потеплеет.

Что это происходит на литфронте? В правление Московской и Ленинградской организации не вошли Соболев, Прокофьев, Грибачёв, Софронов и иже с ними? Если так дело пойдёт, то можно дожить до того, что и правду говорить и писать станут?.. Даже страшно представить себе это!..

С приветом, Виктор

29 марта 1965 г.

Пермь

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вчера я вернулся из град-столицы, где провёл двадцать чудеснейших и почти бесполезных дней. Дела мои с повестью так и не сдвинулись с места. В «Новом мире» новый заведующий отделом прозы читал сызнова повесть. Она ему понравилась, и он сказал, что давать будет и непременно, но сейчас не до последних номеров, сейчас надо сдавать 9—10 номера, а там уж, глядишь, и до меня очередь дойдёт.

У меня был полуторачасовой разговор по повести с начальством издательства «Молодая гвардия», и когда я его закончил, мне было так тяжело физически и морально, будто я тифом переболел. Тяжело от того, что люди требовали от меня и просили такое, во что сами не верят, что никому не нужно и всё-таки... В конце сентября все эти слова получают продолжение. Работа в «Новом мире», разговор в «Молодой гвардии»... Уж хоть бы отказали, я и то рад был, пожалуй.

Все двадцать дней собирался поехать к Вам, но Москва так умеет отнимать время и деньги, что у меня никак не получилось свободного куска хотя бы дня в три. Всё по-старому: «Приди завтра», «послезавтра», а телефоны обрывать и брать за горло я не умею, и поэтому до сих пор «Новый мир» мне договора не дал, хотя затребовал заявление на него ещё ранним летом. Да и не в договоре дело, но всё же. Устал я очень. Поеду на несколько дней к себе в деревню, а потом в Сибирь. Передохну.

Рассказ Ваш в журнале я видел. Соседство с Вами меня смущает. Рассказ мой сделан из старого этюда и как-то не получился, что-то в нём нагнетено, надумано, какая-то неправда есть, и я уж каюсь, что вынул его из стола, но было плохо с деньгами. Сделал я ещё три рассказа, два пристроил в Москве – в «Литературной России» и в «Огоньке», а третий надо крепко доделывать.

Из Ирбита мне есть письмо с извещением, что Вы дали согласие приехать к ним. Я, конечно же, составлю Вам компанию. Это будет приятная поездка и отличная встреча, хлебосольная, русская, радушная. Это единственный виденный мною город, где писатель свою глупость стесняется демонстрировать и не обзывает коллег дармоедами. Я в конце сентября буду в Москве, а затем поеду в Белгород на семинар и вас увижу. Договоримся. Рад, что Вы согласились побывать на Урале. Плохо, что зима будет, но что же делать!

Думаю, что настроение Ваше подналадилось уже? Рассказ-то в «Современнике» есть, а нашему брату, как дитю – для поднятия настроения нужно много и немного, иногда буквальный пустяк выбивает из колеи и пустяк же возвращает в неё. Ничто так не поправляет настроение, как напечатанная вещь, если она, конечно, не истерзана до неузнаваемости. Поддержишь другой раз в руке журнал, положишь в стол и дальше поехал. Пусть и у Вас так же будет!

Всего Вам доброго. Погода наладилась. Работайте и надейтесь на лучшее. Крепко жму Вашу руку. Виктор

1 апреля 1965 г.

Быковка

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я в деревне! Но буквально перед самым отъездом мне принесли Ваше письмо и бандероль с книжками. Какая это была для меня радость! И как ко времени! С повестью-то ведь у меня всё осложнилось. Её не берут в журналы. И не потому, что она очень худа. Говорят: «здорово», «талантливо» и начинают толковать о том, что в ней не написано. А Никонов из «Молодой гвардии» так прямо и честно сказал – «нет». «Не пропустят тут многое, а ведь ты не захочешь её кастрировать?» Нет, конечно! Пусть уж лучше в столе лежит. Перед самым отъездом со съезда я отнёс повесть в «Новый мир». Там мужики прямые и с хорошим вкусом, и они мне скажут то ли, сё ли. А то вон в «Знамени» три с половиной месяца продержали, и ни ответа, ни привета. Всё заказывают, чтоб я зашёл к ним, чтоб не давать мне письменного ответа. Ловкачи! Обучил их Кожевников «политике»!

Остаётся у меня ещё один обход – в «Урал». Но там в своё время цензор получил из-за меня строгаха и теперь дрожит при одном виде моей фамилии бычиной злой дрожью и готов в любую минуту забодать меня. Куда крестьянину податься?! В «Неву»? На съезде редактор её новый просил что-нибудь. Но «Кража» – это не «что-нибудь»... Всё же жду ответ из «Нового мира». Обещали в начале апреля его дать.

Со съезда я приехал абсолютно больной от виденного и выпитого. То, что я увидел там, заставило не одного меня напиться. Люди, по три года не пившие, горько запили. Но всё это было ягодками по сравнению с приёмом. Никогда не забуду, как писатели стадом бежали по древнерусскому Кремлю к столам и растаскивали выпивку и жратву. Такое видел только в запасном полку и на свинофермах!

Вот уехал в деревню, просидел четыре дня на льду с удочкой, загорел, отдохнул, губы от ветра потрескались, бородёнка отросла, и почувствовал себя маленько человеком. А то всё плакать хотелось. Выйти на площадь и завывать волком.

Сделал набросок рассказа о том, как осенью на северной уральской вершине⁷² дикий олень, не имеющий с кем подраться за любовь, пришёл в колхозное стадо оленей, сразился с вожаком стада, а тот встал перед ним на колени и пропорол ему отростком рога пылающее сердце... Научился кой-чему у людей!

Есть в задумке маленькая повесть («моя» по сюжету и по теме), есть несколько уже выношенных рассказов, но пока судьба повести не определилась, ни за что вплотную не могу приняться.

Дня через три поеду в Свердловск заниматься «кином». Набросок сценария там прочитали. Режиссёр и редактор говорят «добро», а директора студии смущают мои «архаизмы». Если учесть, что под этим словом у нас всё чаще и чаще скрыто подразумевают правду жизни, то ждать мне хорошего не приходится.

Сегодня же я дам ответ чехословацкому редактору и поблагодарю его за внимание. А наши-то, «молодогвардейцы»-то, какие свиньи! Какое всё же равнодушие к человеку! Все рецензии, где написано, что сия книга издана «Молодой гвардией», они собрали, подшили, а письма читателей и книжку, переведённую в Чехословакии, отослать мне забыли, да просто и не подумали об этом. О боже, куда мы идём, куда заворачиваем?!

⁷² рассказ так и называется: «На далёкой северной вершине». – Сост.

А мы с Марьей и дочкой поедem нынче в Дубулты с 25 мая. Надо маленько встряхнуться, поглядеть хотя бы на пол-Европы и с латышскими друзьями встретиться. Они там перевели и издали мой «Перевал». Зовут «обмыть» это дело.

Ну, всего Вам доброго, Александр Михайлович. Хорошо, что Вы уехали от съезда. Крепко обнимаю Вас. Виктор

6 мая 1965 г.

Пермь

(Г. Семёнову)

Дорогой Георгий!

Недавно я был в деревне, лежал из-за хвори и читал оттого много. Прочёл и твои рассказы в «Знамени». Они мне, и особенно «Кушаверо», доставили подлинное наслаждение. И мне захотелось сказать тебе радостное, светлое спасибо за добрую радость при чтении, которая не так уж часто случается при чтении нынешних авторов, рассказчиков в особенности. (Пустьяков шибко много!)

Радуюсь за тебя и за людей российских, ибо знаю, что истинный талант проверяется на такой вот отточенной штучке, как рассказ, где было уже столько русских мастеров, что после них вроде бы уж и делать нечего. А ты вот сумел! Молодец! Хорошо. По-русски густо и раздумчиво, по-толстовски мудро и зримо написано.

Ещё раз уверился, что жанр этот даётся тем, кто умеет слышать звук родной земли и язык родной не по грамматике учит.

Ну, дай тебе бог, Георгий, и впредь работать так же хорошо и густо, и если ещё поострее да посердитее, оно и совсем здорово будет, ибо время благодушного созерцания прошло, теперь оно требует от нас всех более строгого и мудрого одоления, чтоб вовсе нас в калач не согнули.

Жму твою трудовую пятерню. Виктор

2 июля 1965 г.

Пермь

(И. Степанову)

Дорогой Иван!

Я около двух месяцев не был дома. Ездил в Латвию, работал в Москве, где решалась судьба моей повести в «Новом мире» и в издательстве «Молодая гвардия». Как будто решилось, но снова – доделки, переделки и купюры перестраховочного редактора. Устал как собака, но надо дело доводить до конца. К концу июля должен сдать уже готовую повесть в журнал и в издательство, а там опять начнётся ещё редакция, ещё цензура и т. д. Но несмотря ни на что, к сентябрю я должен высвободиться и поехать в Читу на семинар и вообще в Сибирь.

Кстати, я совсем склонился к мысли переехать на Родину, обменять квартиру и прочее. Но для этого мне нужно побывать в Красноярске и ещё оглядеться. С их писательским начальником я познакомился на съезде. Он, конечно, не сахар, но у нас здесь есть подонки и похлеще. Да и не пить мне чай и кофеи с ним, а Родина тянет, и уже мне 41 год. Ещё лет пять-шесть, и уже не поднять задницу будет от Уральского камня.

Журнал я тебе посылаю один, свой. В киосках-то не видать его. Журнал этот⁷³ почти не попадает в розницу. Из редколлегии его я вышел. Ну их... далеко, далеко.

⁷³ «Уральский следопыт». – Сост.

Как я пишу? Прописали мне очки, и вот я впервые пробую писать в них и читать. Надо-едливо, но надо. Стало сильно болеть моё глядело последнее, а от него и голова. За фото спасибо, но ты, наверное, забыл, что уже посылал мне эти же картинки, однако без Красноярска. Привет семье. Твой Виктор

1965 г.

Быковка

(И. Степанову)

Дорогой Иванушка!

Вчера моя супружница вернулась из города с хлебушком и разной другой пищей и привезла почту. Прочёл твоё грустное письмо и не знаю, чем тебя утешить и надо ли утешать. «Следопыт» плохой журнал, и потому я вышел из евонной редколлегии, а писать всё же надо, а то начнёшь рыбок в аквариуме разводить или марки собирать, а эти дела куда менее занятные и бесполезные вовсе.

В Волгоград-Сталинград правильно сделал, что не поехал, пропал бы ты с тоски в этом безлесном и покато-пустом краю.

Черкасова я однажды видел, но на знакомство я набиваться не люблю, а так не представилось случая. Кроме того, он один раз принародно лобызался с Соболевым, а в моих глазах мало чего стоит человек, лобызающийся с этим литбарином, так что очень он упал в моих глазах, а романа я его не читал. Он вместе с Н. Н. Яновским должен был ехать в Петровск-Забайкальский, где были в ссылке декабристы, но перепил, сбрындил и не поехал. Н. Н. Яновского (чудесного человека) мы взяли в свою группу и поездили чудно. Были на границе Монголии, били шишки кедровые, ловили таймешков и ленков, а я сходил с ума от красот и простора земли нашей и ещё раз подивился людям, которые теснятся и суетятся в городах, а столько у нас пустой и прекрасной земли!

Там, в поездке, народ, конечно, выпивал, и я было присоседился, ну конечно, сразу же загулял мой верный геморрой и прочее, и я, минуя Родину свою, куда был твёрдо намерен заехать, ринулся домой и сразу же убёг в деревню. Жена моя, проявляя всю нежность и доброту свою, пытается вот уже больше недели оздоровить меня и не может. Тут, конечно, ждала меня куча рукописей, и вот я сижу да читаю. По глупости ума дал согласие быть на семинаре в Белгороде в середине октября, и они мне подвалили произведений, да ещё друзья не забывают, вот и становится всё трудней и трудней добираться до своих вещей. Уж по полгода иногда не могу написать ни строчки, а на ходу, урывками писать разучился, потому видно, что стал работать профессионально и серьёзно.

Можешь поздравить меня – мою многострадальную повесть «Кража» теперь уже твёрдо взял «Новый мир», и в первых номерах будущего года она должна увидеть свет. Если после редакции останется в ней даже половина того, что есть, то и всё равно вещь эта встревожит наше литературное болото. Мне отказали с повестью многие журналы, всё потому, что она очень серьёзна. И то, что «Новый мир» приглубил меня, я считаю большой для себя победой, ибо этот журнал настоящий и даёт настоящую литературу и кроме того, он высокопрофессионален и печататься в нём не так просто, нужно грыжу нажить и выложиться до основания, а это многим щелкопёрам непосильно.

Познакомился я уже в пути назад с Золием Яхниним из Красноярска, говорил о переезде. Он, конечно, «за», но тоже предупреждает, что тут всякое может быть. Ну, пока не к спеху, а уж помирать всё равно на Родину приеду.

Жду зимы. На обратном пути из Белгорода поспеет редакция повести, затем я освобожусь и начну писать. Много задумано, много бродит в голове – надежда на зиму.

Жму руку. Виктор

11 октября 1965 г.

Пермь

(Б. Ф. Лапину)

Здравствуй, Борис!

Не зная твоего адреса, пишу тебе на Союз, надеясь, что письмо это тебя найдёт.

На обратном пути я задержался вместе с Лёвой Давыдычевым на сутки в Иркутске, и мне, да и Лёве тоже, отыскивали газету со статьёй о Читинском семинаре. Нас эта статья не обрадовала, и по приезде домой я всё как-то себя неловко чувствовал, хотя после разговора с тобою в коридоре гостиницы я порадовался за тебя и мне уж вроде и полегче чуток стало. Я понял, что ты парень не только с характером, талантом, но и умён, а это очень важная для писателя «деталь». У нас уж очень много на Руси талантливых дураков, из-за которых нас так и зовут – быдлом. И главное, есть ещё одна живучая российская привычка хвалиться своим бескультурьем и тем, что «мы университетов не кончали».

К сожалению, Читинский семинар не дал мне, к примеру, больших оснований думать, что «дело сдвинулось». В столовой, в коридорах гостиницы и на ненастных перекрёстках семинара мне то и дело встречались парни бранчливые, хвастливые, заносчивые и пройдошистые, те, которые думают, что у литературы, как у курицы, есть только один проход – задний.

Вот потому-то меня дважды и четырежды порадовал разговор с тобою. В том, что ты понял нас правильно и оценил нашу «суровость» точно, было от хорошего ума, а значит, и культуры, и это меня как-то успокоило. Талантливый да ещё плюс умный и культурный человек сумеет одолеть в жизни всё, в том числе и себя.

Но вот газета и слух о том, что очень ты удручён ею, повергли меня снова в неловкость и виноватость перед тобою, и я, будучи почти полмесяца больным и живя в деревне, всё думал о тебе и как-то беспокоился о том, чтоб не заломало тебя и не доконало. Сам я устоял и выдержал всё это – мой первый рассказ как идейно порочный прекратили печатать на середине, дали редактору выговор, а меня пронесли в областной газете уже как «неустойчивого» и «заблудшего», а вскоре на семинаре даже назвали «младшим братом Померанцева». Было это в пятидесятых годах, и шутить тогда не очень любили. Но я как-то не спасовал, держался, всегда делал и думал то, что думаю, и даже те, кто клял меня за первый рассказ и называл «младшим братом», прониклись затем уважением ко мне и, более того, говорят, что они-то меня, серого мужика, и «вырастили». Доля правды в этом есть. Чем больше они меня кляли, ругали, выставляли на посмешище, тем более я убеждался, что прав и платформа моя тверда!

Всё это говорится тебе не для хвастовства, а как обмен «опытом», и ты, надеюсь, поймёшь это верно, и поймёшь и то, что каждая моя вещь до сих проходит со скрипом в печать. Но на напечатанную ни на одну не было ещё хулы, а наоборот. Вот уже два года ходит по редакциям моя самая значительная вещь – повесть «Кража», я доходил порою до отчаяния, но восторжествовала всё же справедливость – «Новый мир» собирается её печатать в первых номерах будущего года. Собирается – это не значит, что уже напечатано, однако всё же...

Вот и ты стой и иди затем упрямо, но не твердолобо, и гни свою линию. Не бывает худа без добра, и быют, и хвалят нашего брата на пользу только. Вот если «перебивают» и «перехваливают» – это хуже. Однако работай, и это главное.

Я дома буду в конце октября. Жму руку. Астафьев

23 октября 1965 г.

Пермь

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вернулся я из Читы, где Соболев давал представление, названное мною «Его лебединая песня». Вся гнусь нашего времени, все литературные вывихи, всё шкурничество и дешёвое игранье в народность и партийность сосредоточились в этом человеке, как в сточной яме, беспроектной, вонючей, но сверху прикрытой зелёной травкой.

На память благодарные провинциалы – народ добрый, гостеприимный, по простоте душевной всему свято верящий, особенно тому, что касается литературы, – подарили ему великолепную медвежью шкуру.

Семинар читинский богат впечатлениями, поездками, но на нём происходило неприкрытое развращение начинающих авторов, с которыми заигрывали, возводили их в гении и скорее тащили в Союз. Хочется Соболеву уйти в отставку в почестях и поклонниках. В Москве ему это не удаётся, так с российской братвой в игрушки играет.

Но я успел многое. Съездил на границу Монголии – был у шишкобоев в кедровых, на рыбалке был, в колхозе слушал наши наивудивительнейшие сибирские песни, ещё кое-где сохранившиеся и не убитые колмановскими и табачниковыми.

Дома меня ждало Ваше маленькое и печальное письмо. Я ещё раз с горечью отметил, как тяжела и губительна для здоровья наша работа. Впрочем, не для всех – есть люди, которые и в литературе живут легко, припеваючи и ходят румяные и весёлые по редакциям.

Мои дела таковы: «Новый мир» решил твёрдо давать повесть, но в будущем году, потому что у них там смена начальства в отделе прозы, да и редактор ушла в отпуск. А я где-то и рад этому, потому что замотался и потому что можно будет готовить вещь к печати не торопясь и с толком. Вот потому и пишу Вам, что, наверное, попаду в столицу не скоро.

Уезжаю в деревню. Там хорошо пишется в непогоду, ибо и делать больше нечего, как читать и писать. А я уже давненько ничего не писал всерьёз и шибко стосковался по работе. Задумок очень много. Наверное, начну писать маленькую повесть из войны под названием «Легенда о пастухе и пастушке»⁷⁴, где мне хочется высказать всю человеческую тоску об обыкновенном, самом земном счастье и чистой, здоровой любви, даже подзаголовок зрел было – «Современная идиллия», но претенциозно больно, и я уже отказался от него⁷⁵. Тему я эту начинал ещё в «Звездопаде», но не довёл до того накала и до той боли, до которой надо бы, чтоб твёрдые лбы, то и дело хватающиеся за оружие, хоть немного задумались бы над тем, на что они поднимают руку.

Вот и Ваш рассказ я почитал. И у Вас сквозит вина перед святой русской бабой, которая имеет право на своё счастье, на добропорядочную жизнь, а её принудили унижаться, выуживать счастливые мгновения запретно, оскорбительно для неё. Я содрогаюсь, когда находятся наши писатели, неуважительно «отражающие» таких вот женщин, но это, как правило, плохие писатели, бесчувственные люди.

А «Молодая гвардия» уже в третий раз завернула мне повесть, всё требуют оптимизма побольше, а где я его возьму? Подожду журнальный вариант, и, если ещё будут кочевряжиться, я унесу повесть в другое издательство.

Ну, поправляйтесь скорее и отдыхайте. Привет семейству Вашему. Виктор

Ноябрь 1965 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

⁷⁴ в окончательном варианте повесть будет называться «Пастух и пастушка». – Сост.

⁷⁵ в окончательном варианте в подзаголовок повести автор поставит слова «Современная пастораль». – Сост.

Сию я в деревушке, пишу – хорошо так жить! Недавно лишь остановился лёд, а то всё жил без вестей, без почты, правда, радио слушал – «Спидола» у меня. Было трудно настраиваться работать после длительного перерыва, но у меня есть хороший причал, рассказы о детстве. И как мне нужно начать работу, я берусь за этот цикл, работаю с радостью, с удовольствием, и от них, от этих вещей, уже перехожу к более серьёзным. А погляжу, погляжу потом и убеждаться начинаю, что то, что мне кажется серьёзным, куда как хуже, лукавей и на что-то уже похоже, чем мои легко пишущиеся, бесхитростные и ни на что, кроме точной памяти о любимых людях, бабушке и дедушке, да о своём грустном и прекрасном детстве, не претендующие.

Постепенно собирается книжка – уже есть рассказов восемь, больших и маленьких. Только что закончил и непременно Вам, для весёлости настроения, пришлю рассказ «Монах в новых штанах» (пишу ученической ручкой и, как в школе, делаю кляксу за кляксой) – самый большой это рассказ в цикле. Уже продумал, как составить книжку, чем начать, чем кончить – есть внутренний заряд разбить всю эту надуманную литературу об экзотике Сибири бесхитростными и точными рассказами об этой очень русской, очень простой, очень доброй земле, ни людьми, ни языком, ничем, кроме богатств земных и, может быть, душевных, не отличающейся от остальной России.

Придумали всю Сибирь командированные писатели, и эта, выдуманная, земля вроде бы уж возобладала, и даже сибирские писатели многие, из молодых особенно, уж начинают гоняться за выдуманной землёй и понять того не могут, что тягаться им тут с Яковлевыми, Алексиными и другими – Баруздиными и Аксёновыми силёнок не хватит, – эти на ходу подмётки рвут.

Нужно мне в книжку написать ещё пять рассказов – это я решил сделать к 68-му году. Мучаю давно уже «серьёзный» рассказ «Синие сумерки», и кто кого – он меня или я его, но должны домучить. Тоже пришлю его Вам посмотреть, что-то меня в нём не устраивает, что-то в нём «не звучит» – может быть, Вы увидите?

Пришлю я Вам это, как только жена перепечатает на машинке. В «Новый мир» пока не зовут, а я уже отвык от повести, весь в новых замыслах, и как за неё буду снова приниматься – ума не приложу. Очень мучает меня маленькая повесть о войне. Есть уже название, всё есть – нет лишь решимости взяться за неё. Всякий раз, как писать о войне, я, ровно перед взправдашной атакой, робею, набираюсь духу, всё выверяю, выверяю, как бы чего не забыть, где бы не соврать, не слукавить, и это ведь всё при том же «тик-так», которое стучит каждому из нас.

Вот ещё замысел, ещё в утробе она, повесть-то, а уже знаешь, против чего будут возражать издатели, и тратишь уйму мыслительной продукции на то, как сказать всё и чтоб «не заметили». Всё-таки в очень сложных мы условиях работаем, и надо дивиться жизнестойкости и приспособляемости русской нашей литературы. И что бы мы действительно делали, чем бы жили, если б в самом деле ко времени и к пути не появлялись у нас Твардовские?

Я так был рад тому, что Вы о нём написали, что и слов нет сказать, как рад. Глубинка наша писательская, пользующаяся ошмётками московских сплетен, клянёт мужика, ничего не понимая: «Объевреился!», «Интеллигентщину и снобизм в журнале развёл!», «Россию затиравает поэтическую, чтобы самому первым быть» и т. д., и т. п. Слушаешь такое, индо и печаль возьмёт и злость на дубовость нашу и графоманскую периферийную озлобленность, которая предпочитает написать роман, не думая, страниц этак на 800 или тыщу, о том, как «был ничем, а стал всем», а этот бездумный, пошлый роман, принятый местными властями и хваленный на читательской конференции, Твардовский вот не печатает.

Правильно и делает! Я его уважаю давно, и не потому, что вот он меня там приголубил, может, ещё и забодает. Я и видел-то его один лишь раз, и говорил с ним минуты три, не более, а обогрел он меня, как русская печка, у которой тепло унутреннее, долготойкое, и от него, как от доброго лекарства, проходят болезни костяные и насморки всякие. (Во завернул, а?!

Твардовский – и русская печь! Пусть ещё кто придумает! Это влияние жизни в деревне. Вчера без жены я топил эту самую печь, сунул в неё голову – лез за чугуном – и опалил себе весь чуб.)

Девятый номер «Нового мира» я караулил, дети мои караулили и всё-таки не скараулили – его мгновенно расхватили в рознице. Теперь буду ждать очереди на него в Союзе и там же «Знамя» возьму с Вашей статьёй, как возвращусь (числа 22-го) из деревни. Меня очень радует, что наиболее разумные, не оголтелые дубари, а доподлинно читающие люди знают «Новый мир» и всё чаще и чаще раздаются голоса: «Это единственный стоящий журнал». Может, кого-то и о чём-то заставит это задуматься.

А надо бы задуматься-то!

Ездил я по читинским землям в одной бригаде с Ник. Ник. Яновским из Новосибирска – милейший дядька, умница и разумница, суждения его о литературе откровенны, прямы, и вот прислал он мне свою книгу «С веком наравне» и только что вышедшую в Новосибирске книгу о современной прозе. Прочёл я её до середины, и до того мне стало тошно, и не из-за книги (книгу плохую всяк может написать), а из-за Николая Николаевича, из-за того, что он с серьёзным видом ратует за бесспорное, утверждает утверждённое, убеждает в величии социализма и полезности его миру мыслящему на основе таких созданий этого великого направления, как Балуев, ангелочки-девочки из повестей Ильи Лаврова и сконструированный хитроумным Сашей Рекемчуком депутат местного совета Коля Бабушкин!

Хотел уж я написать Николаю Николаевичу из села этого заснеженного послание, а потом подумал: «Зачем? Ведь он же притворяется! Если б заблуждался – другое дело. А знать, хорошей, многострадальной души человек и книжку с хорошей надписью прислал». Вот тут и думай чего хочешь!

Ещё читаю книгу Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири», случайно купленную в уценённых книгах. Бог мой, какой это кладёз языка, наблюдательности, душевности, а сам Черкасов – это ж образец кристально честного русского человека! На душе тепло делается, как такое и о таком читаешь!

Ничего письмо-то я Вам накатал! Дал стране угля! Целый вечер будете разбираться, потому как поболтать мне здесь не с кем – терпите!

Как приеду в Москву (всё надеюсь, что скоро позовут), так Вам и позвоню сразу, а может, когда и в деревушку к себе вызову, отдохнуть маленько от столицы. Вот бы мы уж поболтали под треск и щёлк дров в русской печке. Читали ль вы стихи Джемса Клиффорда в № 7 «Нашего современника» за прошлый год? Я их очень полюбил. Всё вот хожу по избе и твержу:

Мой дедушка Дик
был славный старик —
храню до сих пор его трубки.
Был смел он и прям
и очень упрям,
и в спорах не шёл на уступки.
Мой дедушка Дик
силён был как бык,
ругался, как шкипер на баке.
Был дока старик,
мой дедушка Дик,
в работе, в попойке и в драке и т. д.

Особенно полюбилось мне его «Кафе»; а строчки эти совершенно неожиданные в конце: «И вертится планета, и летит к своей неотвратимой катастрофе» всякий раз берут за живое и ещё наводят на мысль о том, что наши поэты не умеют, а также не могут из-за «тик-так»

позволить себе говорить так вот «вольно» обо всём, что питает людей и души. Это в тот миг, в тот час, когда планета «вертится и летит...» в самом деле куда-то к чертям на кулички. А может, мне из деревни так кажется? Может, в Москве она летит совсем по-иному? По другим орбитам?

Если не приеду, напишите мне: куда и чего у вас там летит.

Вас обнимаю за душевные письма и особенно за строки о Твардовском. Славно у меня на душе от них, поэтому и расписался так неудержимо.

Ваш Виктор

22 ноября 1965 г.

Быковка

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Сегодня я последний день в деревне и поэтому могу себе позволить писать что угодно и делать тоже, что вздумается, ибо в городе, там ни дела, ни работы, как говорится.

Пробыл я здесь 20 дней в этот раз и много ходил по лесу, пилил и колол дрова, рыбачил, а между тем закончил два рассказа (на 40 страниц и на 28 страниц) да ещё набросал черновик третьего. Мне остаётся только благодарить провидение, как говорят европейцы, за то, что оно подсуло мне этот «дом творчества», где крестьянам жить худо, очень уж они отторгнуты от людей и мира, а мне лучше не надо. Ещё одно противоречие жизни!

Новостей я никаких не знаю, ни о Солженицыне, ни о других. Из Вашего письма и о Смирнове и о Чаковском только узнал. Будем надеяться – всё, что ни свершается, к лучшему. Да, пока вроде, тьфу, тьфу, просветы какие-то в жизни начались. Боязно от того, что за всем этим последует. Так уж нас приучили – с недоверием смотреть в завтра. И вины в этом нашей нет, а беда наша только.

В «Новый мир» меня пока не зовут. Может, ещё и забодает Твардовский меня. Но будем надеяться на лучший исход! Трудно мне будет приняться за повесть снова. Я совершенно от неё отвык, и новые замыслы толпой обступили меня и теребят со всех сторон, даже во сне не оставляют в покое.

На очереди небольшая повесть о войне. А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, слукавить, а ещё памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворошив всё и заглянув в нутро войны. Словом, всякий раз будто перед вразвешенным боем. Оттого и так мало я написал о войне – уваливаю всё. Но эта повестушка одолевает⁷⁶ – она из тех, что может получиться или очень хорошо, или очень плохо. Буду надеяться на первое, иначе и начинать не стоит.

А Вас, значит, на рассказы потянуло? Это понятно. Очень завлекательный и ёмкий жанр. В нём всё видно хорошо, и оттого малая вещь лучше, чем большая, да и вообще я, например, больше всего люблю работать над рассказами. К сожалению, за них платят так же, как и за романы, – с листа, и оттого рассказчики сидят голодом и один за другим покидают этот нехлебный жанр.

Я не так давно был у Евгения Носова в Курске и читал в рукописи его рассказ «Потрава» – будь я издателем, то взял бы часть гонораров от пухлых романов на схожую тему и заплатил бы за этот рассказ столько, чтоб год или два Женька ни о чём не думал. А он работает медленно, два рассказа в год – больше написать не может. И стыдно сказать, ел уже не раз ливерную колбасу, которую продавщицы из ближайшего магазина заносят иной раз его дураковатому и симпатичному псу. Сказать кому, так не поверят, скажут – клевета на советскую действитель-

⁷⁶ речь идёт о повести «Пастух и пастушка». – Сост.

ность, и Женька никому не говорит об этом, стесняется своей бедности. Надо было видеть его, доброго и большого, горько сконфуженным из-за того, что он не мог «принять как следует гостя», то есть меня.

То же самое бывает и у друга моего Коли Воронина. Другой раз и заехал бы в Калугу к нему, а вздохнёшь, да и не поедешь, потому что пойдёт он занимать деньжонки, чтоб чего-нибудь поставить нас стол, и никак его не уговоришь от этого действия отказаться. Потом уедешь, и завывать хочется.

Коля всё на Платонова ссылается. Вот, мол, подвижник был, а нам уж и бог велел голодовать. Но я бывал несколько раз в домах творчества и убеждался в том, что на таком вот подвижничестве жиреют дельцы-писатели и не знают уж, в какой дом засунуть свою персону с жёнами и детьми, чем её натолкать и во что нарядиться.

В Ирбит я написал, чтоб отложили и мой визит до Вашего. Поедем всё-таки вместе. Глядишь, и морозы к той поре уймутся. А то сейчас из тепла вылезать не хочется. Ну, всего Вам! Не болейте. Пусть пишется и дышится хорошо. Ваш Виктор

Р. С. Да! Я тут печку топил и похлёбку варил, одновременно слушая радиопостановку по Вашим «Бусам». Ну, скажу Вам, сделали они её! Всё, о чём повесть писана, – убрали, а то, что, с точки зрения радишников, ценно, оставили – экзотику всякую. Тот, кто не читал повести, подумает, что Вы нежненький и сладенький, приторный писатель. Лучше уж не давать им на растерзание вещи крупные. Сами-то Вы хоть слышали? Это чёрт знает что такое.

*Декабрь 1965 г.
(А. Н. Макарову)*

Дорогой Александр Николаевич!

Поскольку в Москву меня не зовут и теперь до Нового года едва уж позовут, решил я Вам написать, так как по возвращении из деревни прочёл Вашу статью об Евтушенко⁷⁷ и, более того, следом за Вашей сразу же прочёл статью А. Лобанова в «Молодой гвардии» о той же самой поэме.⁷⁸

Меня всегда поражали надменность и высокомерие в статьях Лобанова, но тут он превзошёл сам себя и опустился до методов старшины Приходько, который иначе воспитывать вверенного бойца не может, как поставить его перед строем и высмеивать его пороки, явные и старшиной Приходько придуманные. Главное, чтоб рота смеялась, чтоб унижен был боец и чувствовал себя мальчишкой и чтоб его, старшины, хохлацкое самодовольство удовлетворено было.

Разумеется, меня очень порадовала Ваша статья, так же, как радовали и предыдущие Ваши статьи о молодёжи – взыскательной добротой, душевностью. За такую критику, помогающую осознать себя, свои недостатки, как на собраниях говорится, всегда хочется поблагодарить старшего своего товарища. А ведь замечаний, и куда более суровых, Вы сделали гораздо больше Евтушенко, чем Лобанов в своей статейке! Но тут, видимо, и отголоски той вознишки, что идёт вокруг московского писательского корыта, дали себя знать. В столице нашей даже те, кто писать не умеют – преимущественно они! – чего-то всё шуршат по-за спинами, как тараканы, охаивают чего-то и кого-то и фигу в кармане показывают «левым» или «правым».

А дел и поводов для них, куда более значительных поводов, в жизни шибко много, и, наверное, вот эта мышьяная возня – один из способов спастись от тяжёлых дум и грустной, порой даже трагической повседневности.

⁷⁷ речь идёт о статье А. Макарова «Раздумья над поэмой Евг. Евтушенко» в журнале «Знамя». 1965. № 10. – Сост.

⁷⁸ «Братская ГЭС». – Сост.

Чем больше осложняется жизнь и назревают в ней такие события, которые требуют от человека серьёзности, тем больше появляется у нас людей пройдошистых, рвущих от жизни хоть пирога кусок или славы клочок. С этой точки зрения мне и Евтушенко представляется сладкоежкой. И правильно Вы ему всё время долбили, что пора мужчиною стать. Тем более что желающих ходить в мальчишках и чтоб спрос с них был, как с мальчиков, и без того много.

Я закончил рассказы. Вам не послал, потому что Вы и без того забиты разными делами и чтениями. Послал самый большой рассказ в «Молодую гвардию», его там взяли на «уру», потому что он безобидный, а сейчас время литературы или «героической», или безобидной. Потому-то и в «Новом мире» выжидают с «Кражей». Поругали их в верхах за серьёзную литературу, хотя, чтоб они до «Октября» опустились, тогда ими довольны будут.

Несмотря ни на что, я начал писать новую повесть о войне... Решился и помаленьку раскатываюсь, набираю разбег.

Говорят, в январе будет пленум и меня вызовут. Значит, увидимся и наговоримся. У меня что-то много за последнее время разного накопилось.

Читали ль Вы «Записки княгини М. Н. Волконской»? Если нет, я Вам их дам почитать. Приобрёл в Чите, в уценённых книгах! Молю бога и благодарю за то, что наткнулся я на эти уценённые книги. Из нашей-то одичалости и глупости прикоснуться к такому светлому роднику, к такому благородству! Даже и не верится, что могли такие люди жить на этой земле, и всё подозреваешь, что бабы эти театралки были. Но театралок хватило бы на дни, на недели, а эти по двадцать пять лет выдержали, девушками уехали и старухами вернулись.

Мда-а, «были люди в наше время!..».

С Новым годом Вас, Александр Николаевич, самое главное, здоровья Вам и рабочего ладу! Пусть ещё и этот год продюжит, обойдётся без войны! Ваш Виктор

1966

20 января 1966 г.

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В Москву меня всё не зовут и не зовут, да вряд ли скоро и позовут, потому как дано указание насчёт эков и спецпереселенцев (в том смысле, что их у нас не было, а если и были, то это всё правильно, так и полагалось быть).

Мне предложили из «Нового мира» подумать. А что могу «подумать»? Из собак енотов я делать не умею. Видно, такова судьба этой многострадальной повести. Хорошо, хоть она «не злободневна» и может ждать сколько угодно.

Пока я бился над «Кражей», у меня скопилось много замыслов, которые я жадно и реализую. К добру или к худу, но пишется мне пока хорошо. Всё последнее время я опять был в деревне. Трещали страшные морозы. Мы с женой топили печку, и я писал, писал, закутавшись в полушубок. Писал тоже про зиму, про морозы, про войну, про русских людей...

Пришло мне поздравление с Новым годом из одного иностранного чехословацкого издательства. Они где-то почему-то вычитали, что моя повесть «Кража» выходит в «Молодой гвардии», и просят прислать рукопись или корректуру, как они выражаются. А я, грешник, и не знаю – могу ли я им послать свою рукопись. Один наш товарищ как-то послал в Румынию пьесу свою, а ему завернули её наши надзиратели с такой надписью, что он с тех пор ничего не посылает и мне не велит. Я вообще-то не очень боязлив, но мне не хотелось бы навредить «Краже», у которой и без того всё так сложно обстоит. Не поедете ли Вы в Чехословакию? А может, присоветуете, как мне поступить?

Ваш Виктор

24 февраля 1966 г.

(А. М. Борицаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Очень я долго тут ездил и оттого сразу не ответил на Ваше письмо. Ездил я на южный Урал к фронтовому другу, которого не видел 22 года и который отыскал меня, потому что в своё время помог я ему раненому выбрести из-под огня и добраться до санбата. Люди нашего поколения умели и умеют, слава тебе Господи, ценить добро и хранить его в памяти, вот и не забывал моего участия дружок, как и я не забываю тех, кто меня потом тоже доставил в санбат и перевязал на передовой.

Встреча наша была волнующая и грустная. Настолько она грустная, что жена моя до сих пор недоумевает, отчего это я ничего ей не рассказываю?! А что рассказывать-то? Так называемый фронтовой юмор или что молодость и здоровье остались в окопах? Друзей там много осталось. Вспоминалась вся тяжёлая работа, бездельники-политруки, командиры, которые обжирали нас, солдат, и почему-то считали и они и мы, что так оно и быть должно, чтоб они ели с отдельного блюда, а нам разблюдовка не полагалась, нам проросший ячмень, клевер и крапива. Если украдёшь, смародёрствуешь – это твоё. Говорят, сейчас на Украине москалей ненавидят, и не напрасно, по-моему, только жаль, что ненавидят они не тех москалей, которых надо бы!..

Словом, пожил я у друга и увёз ещё более растревоженную душу и радостное сознание того, что я не осквернил, или почти не осквернил, сочинительством память свою о войне. И что если о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализированием и романтикой войну, как это хотелось бы кой-кому, – преступление перед мёртвыми и живыми друзьями,

перед теми особенно, кого приучить хотят к мысли, что война – это не так уж и плохо: можно песни петь, возвыситься, сделаться героем и любимая тебя оценит по достоинству. Блажь это литературная. Я радуюсь тому, что ребяташки наши начали, подсознательно пока, сопротивляться всякому милитаристическому направлению.

Один молодой генерал жаловался мне, что молодые солдаты стыдиться стали маршировать по улице и глотки драть. Я ему сказал, что если б торжествовала передовая человеческая мысль на земле, давно б уж не было на ней никаких казарм, никаких армий и некого было бы «освобождать», а ему, генералу, пришлось бы идти на производство и не обесценивать, не обесцвечивать до серого цвета человека, а производить нужные людям вещи. Он забормотал насчёт того, что порох-то должен оставаться сухим, что пацифизм, к сожалению, проник почему-то прежде всего в души фронтовиков, а на них надеются. Он умный человек, видать, а притворяется, прикидывается, сам себя заставляет быть хуже, чем он есть на самом деле.

А я ведь помню, ещё каких-нибудь 20—30 лет назад все мы мечтали идти в пограничники, визжали от восторга, завидев командира или орденосца, а ныне шиш! Бомба, висящая над головой у людей, делает свою работу. Лучше б она не висела, и можно б было жить людям спокойно. Меня иногда охватывает тоска по глухим бунинским временам, так бы и забрался в тихую русскую деревню, встал к сохе, вернулся б к земле, к неразграбленной и незамордованной...

Я только что закончил киносценарий по рассказу «Руки жены». Затеялся его ставить один свердловский режиссёр. С «Кражей» всё без сдвига. Я жду, и в журнале, видно, тоже ждут. Ну, авось. «Бывали хуже времена»...

Ездили ли Вы в Читу и Иркутск? Не минуйте нас. Мы будем очень рады повидать Вас. Угостим грибами! Видел я Свердловске писателя-ирбитянина. Договорились о встрече на осень позднюю – октябрь примерно. Я думаю, так оно лучше. Летом какие встречи, а весна занята у меня. В апреле я поеду в Кемерово, на семинар. Предложили – я не отказался, всё же это хороший способ встречаться.

Ну, всего Вам доброго. Как здоровы? Ваш Виктор

Март 1966 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Давно я Вам не писал, но издали всё ж слежу, где Вы бываете и чего пишете. Купил тут недавно второй номер «Знамени», но руки ещё не дошли прочесть Вашу статью⁷⁹ и, верно, читать буду уж сразу в двух номерах – это даже и лучше.

А вчера на сон грядущий прочёл я в «Лит. России» сильно вумные статьи двух критиков, и у меня было точно такое состояние, как у того чалдона, который шёл с собрания, и его спросили, о чём было собрание. А он ответил: «Да разве советские товарищи скажут, об чём оно было!»

Может, я уж отупел (много у меня нынче работы) или так уж умно зачали писать наши критики, что ничего не поймёшь. Да и статья Ваша о «Братской ГЭС», мне кажется, не давала оснований открывать дискуссию о сюжете, вопрос о коем и без того затуманен и запутан. Впрочем, у нас даже о таких понятиях, как правда, искренность, умели и умеют такое напутать, что потом всей деревней не разберёшь, где уж чего. И вечно у нас так! Как только начинаются трудные для литературы дни, так тут как тут дискуссия о транскрипции образов Флобера или об истоках нравственного начала в произведениях древнегреческих драматургов. Прямо, как

⁷⁹ речь идёт о статье Макарова «Через пять лет» в журнале «Знамя». 1966. № 2, 3, 7, 8. – Сост.

на войне – отвлекающий манёвр, изготовление ложных позиций и стрельба по ним пустыми болванками.

Да, в общем-то, всё старо! Вам уж и примелькалось, небось, всё это, и устали уж, наверное, смертельно от недомолвок и всевозможной шумихи по поводу чего угодно, только чтоб от сути подальше?

А я всё долблю и долблю бумагу, зная, что это и беда, и выручка. Перестань работать – раскиснешь. Последнее время писал киносценарий по своему рассказу «Руки жены». Один режиссёр нашёлся ставить фильм, а я не отказался. Если фильма и не будет – денег дадут, а у меня нонче ни строчки не издаётся в связи с тем, что «Кража», кажется, плотно засела в редакционном столе «Нового мира» до лучших времён. Есть надо каждый день, к сожалению. На рассказах не прокормишься. Тем более что берут их с выбором, что побеззубей да со смефуёчками, те подавай, а как посерьёзней рассказ, так пишут, что «сгустил краски», и возвращают. Так вот в третьем номере «Молодой гвардии» идёт мой большой рассказ «Монах в новых штанах», и Вы уж по названию услышите – ничего там серьёзного быть не может. А вот днями я Вам пошлю посмотреть рассказ⁸⁰, над которым бился, бился, и дороги ему пока нет. Правда, попросили в «Новый мир», и я послал его, так молчат чего-то. Может, обиделись на мой ответ по поводу «Кражи». Они предлагали мне подумать в связи с тем, что вышел-де запрет на спецпереселенцев и эков, а я ответил, что думай не думай, а из собак енотов я сделать не сумею, да и неохота. Вот примолкли чего-то.

Набросал я тут повестушку начерно листа на 2,5 о фэззошнике военных лет⁸¹. Грустно-грустно получилось. Теперь сижу и ковыряю её. Вообще, осень и зиму я работал и работаю много. На 67-й год «Совпис» запланировал мою книжку рассказов, и я собираю её помаленьку. Сдать должен к июню.

Пишу я Вам ещё вот почему. Мне предложили поехать в Кемерово, на семинар, и я согласился. Это хороший способ встряхнуться и посмотреть новый город. В Сибири как раз будет весна, подснежники и т. д. Не поедете ли Вы? Вот было бы хорошо. Мы бы хоть наговорились. Я понимаю, что в Москве разговоров много, но я изголодался по трёпу, а в Москву ехать незачем пока. Читали ль Вы рассказ Нагибина «Браконьер» в № 12 «Нашего современника»? Какой рассказище! Какой мастер! Я даже пытался написать о нём статейку, но когда перевалил за 20-ю страницу и ещё до рассказа по существу и не добрался, понял, что не за своё я дело взялся, и бросил.

Какие-то до нас тревожные лит. слухи доходят, и не хотелось бы им верить, а подумаешь-подумаешь и вздохнёшь – всё может быть. Если не читали, прочтите в «Комсомолке» в трёх номерах исследование о свободном времени современного городского человека нашей страны. Оч-чень важнеющий, на многие мысли наводящий документ!

Ну вот, маленько поговорили с Вами. Если некогда, на ответ время не тратьте, а лучше приезжайте в Кемерово!

Ваш Виктор

Апрель 1966 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Лишь из дому могу я написать Вам. В Москве наш брат периферийщик, как сорвавшийся с цепи кобель – бегают задравши хвост, полупьяный и ошалевший от новостей, встреч и разговоров.

⁸⁰ видимо, речь идёт о рассказе «Синие сумерки». – Сост.

⁸¹ повесть «Где-то гремит война». – Сост.

Страшно жалею, что мы не встретились, но Иван Падерин передал мне Ваше письмо с рассказом, и я его, сидючи на пленуме, прочёл, потом в поезде, потом дома. Наверное, не во всём, но во многом Ваши замечания совпали с моими сомнениями и догадками, смутно меня донимавшими. Трудно даётся мне этот рассказ! Но я его добыю, собаку. Включу в рукопись в том виде, в каком он есть, а пока она рецензируется, ходит по людям (в «Совписе»), это, говорят, года занимает, я и добыю рассказ. Мне только неловко, что Вам пришлось так много времени затратить и письмо мне писать величиной с критическую статью. Но я тут же и подумал (слаб и хитёр человек, зело хитроумен!) – раз А. Н. так много написал, значит, рассказ его это заставил сделать, а раз так... и т. д., и т. п.

На пленуме, а также после него произошла маленькая стычка у меня и моего друга Коли Воронина со Стариковым, который, пользуясь благодатной поддержкой президиума и всех, кто к президиуму поближе, пытался забивать голы в ворота «Нового мира». А так как в воротах никого не было и за воротами тоже, то он просто наслаждение имел лупить и лупить по пустым воротам, говоря, что «Октябрь» – это правильная линия, а «Новый мир»-де неправильная. Мы с Колей возразили ему, к неудовольствию Соболева и прилегающих к нему подхалимов.

Кстати, я взял «Кражу» из «Нового мира» и передал в «Сибирские огни». Тут она, кажется, и найдёт пристанище. Обещают 8—9-й номер. Замечаний немного. В «Новом мире» с рукописью расставались тягостно, с большим сожалением (и не с одной моей – всё лучшее российские ребята тащат туда), но в таком положении находится сейчас этот журнал, что ему держать до бесконечности рукописи невозможно, а печатать, что им хочется, не дают.

С горя и ещё для того, чтоб размочить мою тоску, мы зашли с новомирцами выпить граммов по сто, да так надрались, что уж и не помню я, как расставались. Много я услышал в тот вечер всяческих вещей, а особенно о Твардовском. Моё личное мнение, что это для наших времён великая и почти святая фигура, подтверждено было многими фактами. От этого и жить легче маленько. А та шушера, вроде Бровмана, как мусор на реке воспринимается после того, что рассказали мне об Александре Трифоновиче. И хорошо, что есть он. И пусть живёт дольше. И если его даже уйдут из журнала, всё равно жить будет легче, пока он есть.

А вообще после этой московской говорильни на пленуме и в кулуарах хочется пойти в леса и очиститься. Вот я и пойду. Послезавтра. Сделаю завтра сообщение о пленуме и отправлюсь. Если пароходы ещё не ходят, пойду пешком (вёрст 15) и пробуду в деревне до 10 мая.

Буде возникнет у Вас охота прибыть на праздники ко мне, то ещё раз сообщаю – лететь 2 часа 15 минут, ехать сутки. Дома будут сын и дочь. Они в любой момент проводят Вас в деревню, если не на пароходе (это очень удобно), то пешком – это не очень удобно, однако интересно. Но я уверен, что пароходы вот-вот пойдут, потому как лёд давно киснет и течёт здорово. В деревне будут моя жена и товарищи по охоте. Будет выпивка (немного), много цветов, две собаки, два ружья, грибы солёные, маринованные и сухие, а если повезёт, то будет дичь и рыбный пирог. На Вашем месте я бы плюнул на всё и давал Астафьеву телеграмму: «Приеду такого-то», и всё.

На всякий случай поздравляю всех Вас с праздником весны и желаю бодрости духа и всего, чего сулит весна, кроме болезней, войны и нервотрёпки.

Крепко вас обнимаю и ещё раз благодарю за доброе, большое письмо. Ваш Виктор

Май 1966 г.

Новосибирск

(Жене)

Дорогая Маня!

Сию в гостинице «Новосибирск». Идёт дождь. На улице слякотно. Я только что «опрокинул» 12 страниц в повести и на сегодня – выдохся. Увы, старый текст остаётся малыми ост-

ровками, как тот, который я видел вчера на Обском море, а островок этот – бывший г. Бердск, точнее, то место, где он стоял, а дальше за ним – обрывистый берег, на нём сосняк и то место, где я служил под знамёнами...

Две ночи я ночевал у Володи Сапожникова, потому что в гостинице не было мест (по всей стране одна и та же история). За два дня мы обговорили замечания (их много), потом бродили с ним по Академгородку, дивились и трепались. Академгородок – это чудо! Впервые в жизни увидел современную архитектуру, современный городок и вдруг не в кино, а наяву убедился, как это здорово и даже прекрасно. Народ тоже отличается от основного народа, и мир совсем иной – как будто другая планета: на одной Быковка, а на другой Академгородок, который не снизойдёт до Быковки, а Быковка не готова взнаться до Академгородка.

А дальше – сосны и место моей службы, так и напрашивается начало будущей повести о запасном полку. Но пока не до неё. Пока «Кража». Чтобы сделать первые 150 страниц в срок, мне нужно делать в день минимум по 25 страниц – это многовато, но в первой части возможно. Хуже со второй половиной, там работы больше, кое-что нужно дописывать, и, если учесть, что я к этой поре разряжусь, будет нелегко. Однако сделать нужно. Вторая часть требуется к 15 июня, и уезжать мне, не сделав её, нельзя. Значит, всё нужно сделать до Кемерово, до 30-го числа. Завтра – 15-е. Работа адская, но надо, надо. 28-го я выступаю на телевидении (запродали тут меня без меня) – буду читать отрывок из повести. Кроме того, запишусь на видеомagnetофон с рассказом о книжке Болотова Вити – он же в прошлом новосибирец, и меня попросили. А вообще меня пока, слава богу, не отрывают. Володька трудится в поте лица. Николай Николаевич Яновский человек деликатный, а больше у меня знакомых здесь нет.

Я – умная голова, уехал без рассказа «Синие сумерки», который хотел показать Володе и Николаю Николаевичу. Не захватил в запас книжек Болотова и Домнина. Если по сроку это письмо придёт, ты отправь на Володькин адрес (для меня) по две книжки каждого, а рассказ, уж если отправлять, то 2-й экземпляр. И, пожалуйста, не волнуйся. Я тебя очень люблю, очень ценю, считаю, что такое доказывается не словами, а делами.

Восемнадцатого мне дадут аванс. Тут продают великолепные латышские мебельные гарнитуры (в Академгородке, разумеется), цена 404 рубля. Купил бы – «зуб горит», но Володька сказал, что дня два придётся бегать насчёт транспорта, контейнеров и т. д. И я охолонул. У меня такого, мебельного, времени нет.

Целую, Виктор

24 июня 1966 г.

Быковка

(А. М. Боряцеговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я, кажется, в суете и попыхах забыл послать Вам свою новую, прескверно изданную книжку. Посылаю. Писать много не буду. Весь я измотан, издёрган и усталый. Завтра отправляюсь с женой и сыном в Сибирь, на Родину, и возможно, в селе Ярцево, на Енисее, где живёт мой братишка, мне и отдохнуть удастся.

Напишу лишь о продолжающейся истории с моей злополучной «Кражей». Из «Нового мира» я вынужден был её взять, так как она лежала там и ещё могла лежать долго без сдвигов... Расстались мы полюбовно без всяких обид, но с огорчениями с той и другой стороны. До меня уже дошли слухи, что «доброжелатели» распускают слух, будто Астафьева зарубили, он переругался и т. д. Всё это выдумки и не очень оригинальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.